КРОКОДИЛ

КОЛХОЗНЫЙ

Рисунок Германа ОГОРОДНИКОВА

ОТЧЕТ

— Собираюсь в Москву на съезд. А это птички для отчета.

МОЯ РЕЧЬ

на Третьем Всесоюзном съезде колхозников

**Ваш съезд приветствовать я рад.
Он от Москвы и до окраин
заявит громко и стократ:
— Народ — земли своей хозяин!
Но был бы я не Крокодил
и мне б досталось на орехи,
когда б я по земле ходил,
махнув рукою на огрехи.
И это вовсе не беда,
что лично я для пущей силы
механизации труда
мои предпочитаю вилы.
Пускай работа нелегка —
для вил не миновали сроки,
поскольку есть еще бока
у лодыря и лежебоки.
Все, что открыто, внедрено,
перенимайте быстро, гибко.
Учитесь и учите, но...
не только на одних ошибках.
Земля — начало всех начал,
и мы всегда боролись яро
с таким «жучком», что получал
рубль не с гектара, а с базара.
Ему, видать, придет конец.
Но есть других вопросов масса:
иной колхозный огурец
ценою вышел в ананасы!
А помните ли вы, как вдруг
друг и целитель человека,
брат чеснока — обычный лук
стал чуть ли не проблемой века!
Еще задумайтесь всерьез,
как выстлать скатертью дорожку
тем, у кого один вопрос:
«А где моя большая ложка!»
Долой с колхозного двора
тех, кто работать не умеет,
тех, с кем ни пуха ни пера
колхоз от птицы не имеет!
Нет, я тому не друг, не брат,
кому трудиться неохота,
тому, кто заработать рад,
но только так, чтоб не работать.
От всей страны тебе салют,
колхозное большое поле!
Расти, твори, колхозный люд!
Сто лет! И тысячу! И боле!
И ты, бесспорно, будешь прав,
когда осуществишь на деле
права, что даст тебе Устав
сельскохозяйственной артели!..**

**...Тут мне записка:
«Как, к примеру,
вы смотрите насчет наград!»
Ну что же, я ответить рад:
я уважаю эту меру
и всех бы щедро наградил,
кто с честью выполнил заданье.
Друзья! Спасибо за вниманье.
Желаю счастья!**

КРОКОДИЛ

Застенографировал
Александр НИКОЛАЕВ.

Николай ШТАНЬКО, специальный корреспондент Крокодила

ТРЕТЬЯ ОРБИТА

Когда трактор, немыслимо громыхая, тронулся с места, Михаил Иванович Мамонов (председатель колхоза имени XXII партсъезда) со страху перемахнул через забор и полез в крыжовенные кусты.

Не подумайте чего плохого. Я не о том. Не о качестве ремонта. Конечно, впоследствии Михаилу Ивановичу не раз доводилось ужасаться при виде того, во что превратили нормальный «ДТ-54» чародеи из РТС. Но при этом, как правило, через забор сигали другие. Спасаясь от председательского праведного гнева.

А в тот единственный раз перепугался он самолично. Правда, по уважительным причинам. Во-первых, возраст переживал простительный. «Уже подпасок»,— говорили о нем в те времена («Еще дошкольник»,— сказали бы в наши.) Во-вторых, трактор был первым. И в его жизни и в истории его родной станицы.

Тем не менее этим непродуманным поступком испортил мне Михаил Иванович всю обедню. Очень хотелось написать об этом председателе, как пишут, скажем, о космонавте. Уже в младенчестве он, мол, тянулся к штурвалу комбайна и мастерил модели лобогреек...

Но факта из биографии не выкинешь.

К сожалению, есть подобные досадные факты и в биографиях других руководителей этого замечательного колхоза.

Взять хоть Григория Федоровича Смыкова. Заместитель парторга. Председатель ревизионной комиссии колхоза. И даже в некотором роде колхозный мининдел: его частенько отряжают гостей принимать. В общем, лицо авторитетное.

А его, между прочим, на заре колхозного строя трижды выставляли за ворота коммуны. По анкетным данным не подходил. Нет, насчет происхождения и соцположения у него все было в порядке — сирота, сызмальства в батраках, от хозяина-кровососа сбежал... Другой анкетный пунктик чуть было всю карьеру не испортил.

— Ну, какой же я мужик,— канючил он,— мне и тринадцати нет еще.

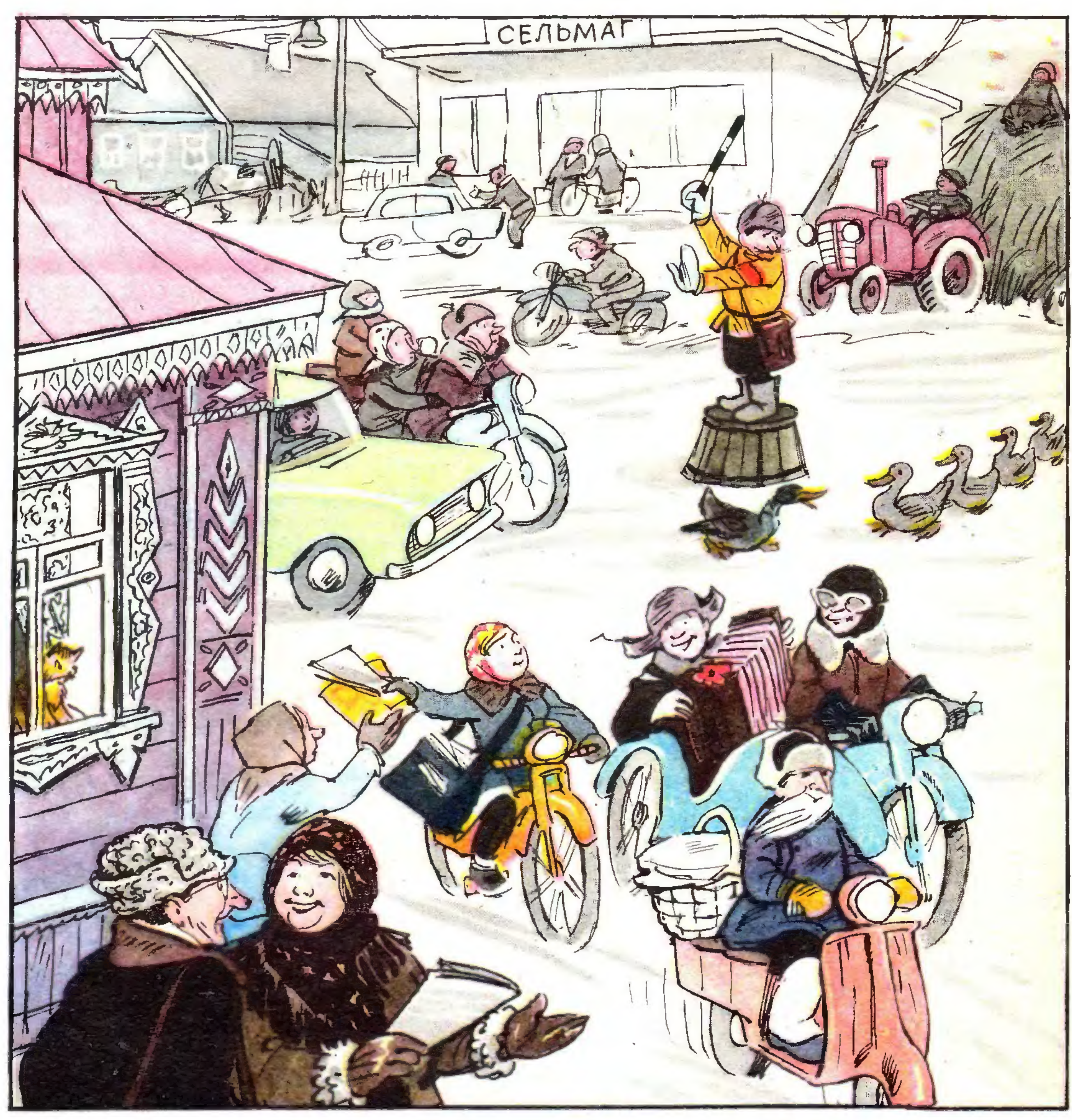
— Все равно мужского полу,— вздыхало непреклонное правление.

Дело в том, что единственная в его округе коммуна имени Артюховой была задумана ее учредительницами как чисто женская. Постановлено было: доказать всему свету, на что способна раскрепощенная крестьянка, а поэтому — вовсе обойтись без угнетателей-мужиков.

А батрачонку очень хотелось в коммуну. И опять же не могу я взять грех на душу и сказать, что Григорий Федорович уже тогда постиг все преимущества коллективного хозяйства перед единоличным. Нет, ему просто хотелось в школу. А она в коммуне была.

С четвертого захода его все же приняли. Сердце женское — не камень. Тем более что вскоре дискриминацию сильного пола и вовсе отменили. Потому убедились — в коммуне мужики не помеха. Даже наоборот — и от них кое-какая польза случается.

Ах, где ты, машина времени! Почему тебя нет

— У нас в колхозе теперь такое движение, что пришлось учредить должность регулировщика.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

в наших ателье проката? Мотнулся бы я в двадцатые годы, взял бы за руку зареванного батрачонка и рассказал бы ему, как он будет водить по колхозному музею заморских гостей...

А потом вытащил бы из крыжовника будущего председателя колхоза и показал бы ему... Ну, для начала хотя бы, как стоят на линейке готовности трактора его колхоза. И земли бывшей коммуны показал бы с вертолета. Малахитовые параллелограммы лесополос, меж которых, как в лотках старателей, плещется живое золото пшеницы. Поля, забывшие, что такое сорняк и ручной труд. Колхозные поселки, которые деревней можно назвать только в порыве поэтической вольности. Вишневые бульвары вдоль асфальта, великолепную школу, библиотеку. Санаторный уют дома престарелых. Жилые дома, каждый — полная чаша.

В общем, я показал бы ему то, что он сам показывает мне сейчас. И чем по праву гордится его, первый на Дону, колхоз коммунистического труда.

Будь у меня машина времени, я откатился бы и еще дальше — в 1913 год. В американский штат Огайо. Там, у железнодорожной насыпи, застыл на труднейшем житейском перекрестке белорусский паренек Сеня Гришкевич. Высокорослый. И волосом рус. И привычка к труду благородная имеется. И железная дорога налицо. Все по Некрасову.

Только никому его благородная привычка не нужна. Три месяца ходит в модной должности безработного. Бежал из родной Белоруссии от голодной смерти. Две границы переполз контрабандой. Через океан перемахнул без гроша в кармане. И вот теперь «страна свободы» предоставила ему широкий выбор: хочешь — просто ложись и помирай, хочешь — свободно бросайся под трансконтинентальный экспресс.

Стоит, вслушивается в перестук колес, выбирает.

Мне бы только на минутку к нему, чтоб сказать:

— Плюнь ты на эти колеса, парень! Не перемолоть им тебя. Знаешь ли ты, что тебе в Сальских степях памятник при жизни поставят?

Вот сейчас я стою перед этим обелиском. На сером бетоне — бронзовый профиль. Подпись: «Механизатор С. О. Гришкевич».

И чуть пониже:

«Здесь 14 октября 1922 года им проложена первая борозда».

Ничего не скажешь — правильный памятник. И по чину полагается. При жизни.

Семену Осиповичу уже восемьдесят. Но на склероз он не жалуется. Все отлично помнит. Как спасла его тогда рабочая солидарность, как помогли ему найти работенку. И как в семнадцатом из-за океана с родины донеслись в громовых раскатах слова: «революция», «Декрет о земле...»

О большевиках газеты болтали разное. Но разобрался Семен что к чему только года два спустя, когда ему дали прочесть ленинское «Письмо к американским рабочим». И были там строки о крестьянах России, «...которые одним ударом, в одну ночь с 25 по 26 октября (ст. ст.) 1917 года отменили всякую частную собственность на землю и теперь, месяц за месяцем, преодолевая необъятные трудности, исправляя сами себя, практически решают труднейшую задачу организации новых условий хозяйственной жизни...»

Вот после этих строк и засобирался Семен Осипович на родину. А в двадцать первом прозвучал на весь мир призыв Ленина помочь Советской республике, на которую надвигался невиданный голод. В ответ на этот призыв эмигранты-рабочие в Америке стали создавать коммуны, чтоб ехать в Россию сообща.

Одна из таких коммун — «Сеятель» — и обосновалась вскоре на отведенных ей землях в Сальской степи. Здесь и проложил в метровом черноземе Семен Гришкевич свою легендарную борозду.

— Трудности действительно были необъятные,— говорит он.— И главные из них — стихии. Мелкобуржуазная была стихия, но с этой справились. Темнота и безграмотность наша — тоже бедствие. Справились. Ну и просто обыкновенная природная стихия. До сих пор она издевается над нашим колхозом.

Да, Сальскую степь господь бог создал не для слабых. «Здесь, кроме ржи, вряд ли что может родиться. Тяжелый и неприветливый край»,— доносил атаман Войска Донского царю. А окружной атаман, как стоящий ближе к производству, вынес ей и вовсе беспощадный приговор: «В Сальской степи получают 14-пудовый урожай ржи. Никаких других урожаев здесь нет и не будет».

В первый год «Сеятель» собрал по 5 центнеров пшеницы. Такого жалкого урожая больше не было за всю историю коммуны и колхоза. Но ведь это не с десятины, а с гектара. И не рожь — пшеница. И все же не четырнадцать пудов, а тридцать с гаком...

Шли ощупью. Шли, «преодолевая необъятные трудности». Шли, «исправляя сами себя». Но шли верно. По компасу.

«...Вы должны позаботиться о том, чтобы сельское хозяйство Ваше было правильно организовано, как учит агрономическая наука, для чего советую Вам привлечь к Вашему делу знающего агронома.

В особенности прошу ставить работу в коммуне так, чтобы п о м о г а т ь окрестным крестьянам и иметь с ними наилучшие отношения. Без этого и без делового практического, хозяйственного успеха я коммунам верю плохо и немного даже коммун боюсь».

Это ленинское письмо было адресовано предшественникам «Сеятеля» в Сальских степях. И не случайно в первом своем Уставе коммунары записали:

«Коммуна имеет целью социалистическое переустройство сельского хозяйства в районе своей деятельности...»

Чувствуете? Не только у себя в коммуне,— в районе деятельности. Для этого с первых же дней стали налаживать наилучшие отношения с окрестными бедняками и середняками. Ремонтировали их нехитрый инвентарь, семенами делились, детей учили в своей школе. И главное — агитировали мужика «за коммунию». Не легковесным словом — хозяйственным, практическим успехом.

А для этого успеха нужно было выполнить и другой ленинский совет — наладить наилучшие отношения с агрономической наукой.

Пока не вырастили своих знающих агрономов — посылали ходоков к ученым людям за тридевять зе-

Владимир КОРБАН

Объективные причины

Над полем золотым — теплынь и тишь,
Нет никаких помех бригаде.
С уборкою не хаханьки: проспишь —
Сам и останешься в накладе.
Спешат колхозники. Погодка хороша,
Все знают: дорога тут и минута!..
А бригадир вздыхает почему-то,
Болит его душа.
Хватился поздно,— что с него возьмете!
Уж и теперь прорывы есть в работе,
А дальше?.. Как бы хуже не пошло!
Из-под ладони он обозревает небо:
— Эх-ма! Сейчас дождя бы мне бы,
Так нет ни облачка! Ну прямо как назло!
— Ждешь тучек?! — дед Павлюк дивится.—
Зачем нужны тебе они?
Ты радуйся, что носовица
Пришлась вот на такие дни.
— Ох, помолчи, отец... Какая ж радость тут!
А вдруг не уберем? Подумал ты об этом?
Опять чехвостить нас начнут,
Как прошлым летом.
Тогда хоть отбрыкались еле-еле —
Причины объективные имели:
Как раз на жатву вдарили дожди.
А нынче? В небо погляди!
Коль вновь сорвется план уборки,
Чем будем крыть? Какой дадим ответ?
Какие нам помогут отговорки?
Дождя-то нет!..

Перевел с белорусского В. КОРЧАГИН.

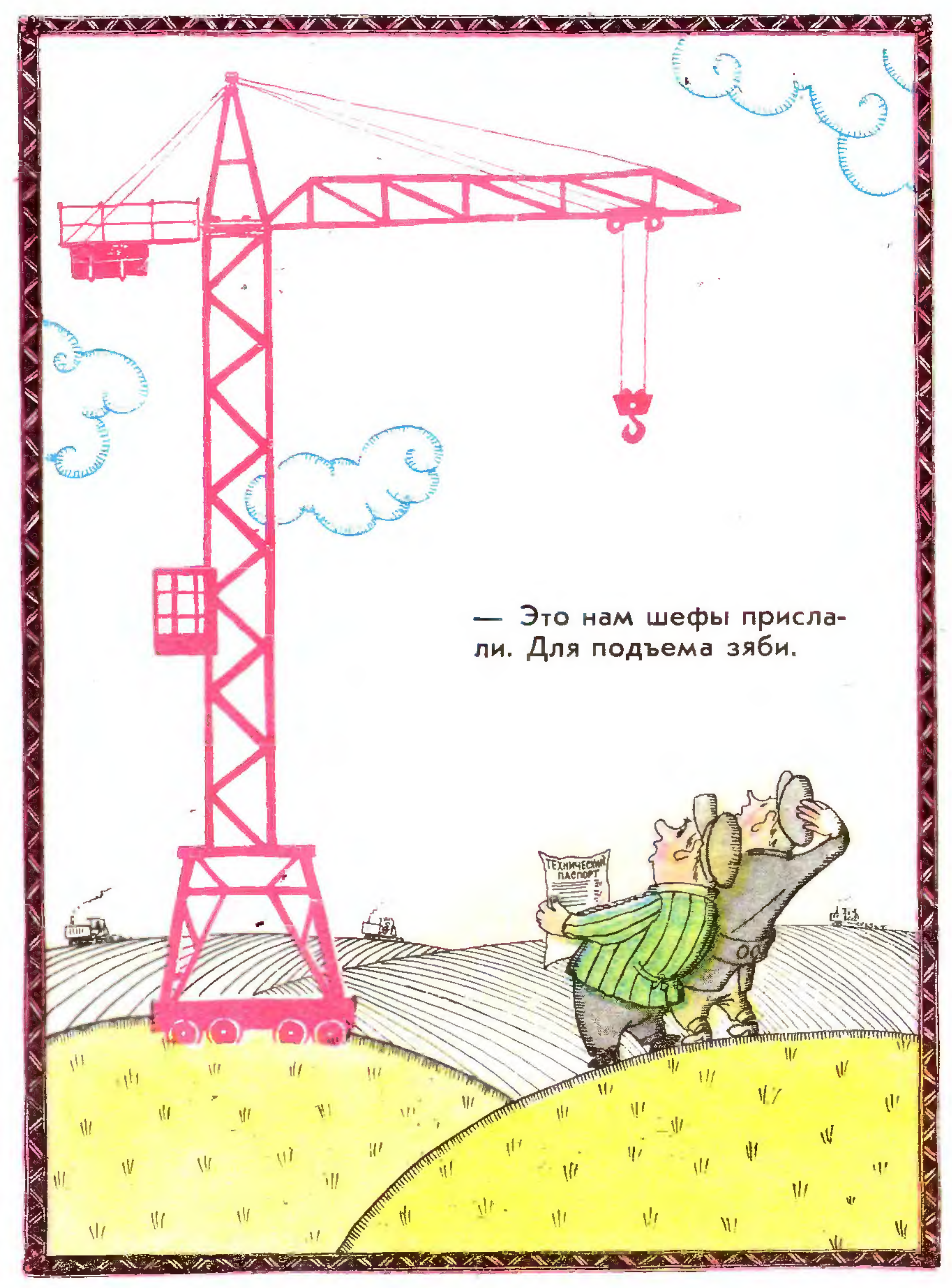

Рисунок Е. ГУРОВА

мель. И потом с невероятным упрямством внедряли их рекомендации.

Взять хоть лесополосы. Это первое, что подсказали коммунарам ученые агрономы. Сейчас одиннадцать лесополос вдоль и шесть поперек пересекают поля колхоза. И каждая в 13 рядов. Если все деревья вытянуть в один ряд, можно в их тени дойти до Москвы.

А растили их так. В первый год закупили на Кубани саженцы самых красивых и солидных пород — дуб, береза, клен. И протянули первую цепочку с юга на север — злодею «астраханцу» поперек горла. Ужо тебе, мол! Теперь не разгуляешься! А он, треклятый, дохнул — и закачались на ветру ломкие прутики. Посадили вторично. Бочками воду возили — поливать. На этот раз не высохло. На этот раз вымерзло. Опять посадили, уже местные породы. Часть высохла, часть вымерзла, но кое-что осталось. И так из года в год. Не отступаясь.

Так же по-мужицки напористо добивались и лучших в местных условиях сортов и лучшей агротехники.

Второй Устав приняли только в 1940 году. Не хотелось расставаться с молодостью своей — привычным словом «коммуна». Хотя, конечно, давно уже это была сельхозартель. И ознаменовали тот год небывалым доселе урожаем — почти 150 пудов отборной пшеницы взяли с гектара.

А вскоре в лесополосах молодого колхоза застучали топоры гитлеровцев.

И это бедствие перебороли. Только длинные столбцы фамилий на плитах у вечного огня, что пылает на центральной усадьбе колхоза, напоминают, чего это стоило мирным хлеборобам.

— Все мы немного космонавты,— сказал мне как-то Михаил Иванович.— Первый Устав, как первая ступень ракеты-носителя, вывел нас на социалистическую орбиту. Второй забросил еще выше, к колхозу коммунистического труда. Теперь готовимся к новому старту. На орбиту коммунизма выйдем с третьим Уставом. Но задала же нам стихия тренаж перед этим стартом! Все было: и центрифуга и барокамера. Старожилы не припомнят...

Вообще говоря, старожилы, видимо, для того и существуют, чтоб при случае чего-нибудь не припомнить. Впрочем, этот год и не нуждается в их свидетельствах.

Собрались на своем ковыльном Олимпе степные злобные боги и стали совет держать, как колхоз с лица земли стереть.

— Что? Озимым радуются? Снежка ждут? А мы им голый морозец подсунем.

Подсунули. Сорокаградусный.

— Не сдаются? Включай ураган!

И пришла черная буря. Да какая! Месяца три люди света белого не видели. Жили, как в утробе работающего пылесоса. Сносило крыши, рвало провода, выдувало поля...

— Ну как? — хихикали на Олимпе.— Пересевают? Ну-ну, а мы «астраханца» с цепи спустим.

Подразнил хлеборобов видами на урожай золотой майский дождик. А в июне подкрался на бархатных тигриных лапах «астраханец». И дохнул жаром...

Сотой доли всех этих напастей раньше достаточно было бы, чтоб мужик забил крест-накрест окна своей хатенки и ринулся принимать непосредственное участие в процессе пролетаризации.

А что же с нашим колхозом? А ничего. Даже не пошатнулся. И зарплату ни на один день не задержали. И от покупок ни от одной не отказались. И грандиозное строительство не урезали ни на один кирпич. Строят и коровники, и жилье, и роскошный новый Дом культуры. В колхозной школе полы импортным пластиком перекрывают. В джунглях белой акации ребятишкам местный Артек соорудили. Конечно, колхоз понес немалый урон — не меньше полумиллиона потерял. Но если доход вертится где-то возле трех миллионов, то это еще не разорение. Да и государство всегда ссудой поможет...

Одно сокрушает колхозников: урожай больно низкий. Давно такого не было. Всего-навсего 19 центнеров. Эх, окружного атамана-пророка бы сюда! С его четырнадцатью пудами...

День 23 июля в колхозе прошел буднично. А между тем это важная дата в истории колхоза. В этот день уборку кончили!

Но это еще не дата по нынешним временам. Ведь разве ж теперь уборка? Бывало, помню, земля дрожит от всеобщего усердия. Весь район поднят на дыбы. На каждом плетне трубный клич: «Все силы — на уборку!» Все мобилизовано, организовано и брошено. Села — как выдуло. Горожане тоже на токах. Интеллигентно ковыряют лопатой зерно. Уполномоченные мечутся, как угорелые. Телефонные провода расплавлены директивами-молниями... Страда!

А тут... Только душевые установки возят за комбайнерами да термосы с обедами подбрасывают. В последний («рапортовый») день уборки школьников повезли в автобусе на пляж, видите ли!

Так что день этот стал датой не потому, что досрочно убрались. По другому поводу.

Показал мне Михаил Иванович небольшое колхозное море. Я, конечно, удивился: откуда оно взялось, если в окрестности ни одной путной речонки? Оказывается, пробурил для этого колхоз две артезианские скважины. И пока гулял да беспечно посвистывал суховей, была сооружена насосная станция, трубы протянуты на поля. И вот сегодня впервые пробуют искусственный дождь на притомившейся от жажды люцерне.

— Ну, а теперь поедемте посмотрим, как «сотка» работает,— предложил мне Михаил Иванович.— Что за умница машина!

Умница шла, поигрывая стометровым коромыслом, на концах которого повисли две миниатюрные радуги.

— Знакомьтесь,— представил мне председатель застенчиво улыбающегося богатыря.— Иван Семенович Иванча, умелец на все руки. Это он насосную отладил. Видите, как оживают растеньица?

— Это вы к старту на третью орбиту? — спросил я.

Михаил Иванович подмигнул мне и протянул сигарету Ивану Семеновичу.

— У нас еще до старта четырнадцать минут!

Над лохматой головой колхозного умельца трепетала рукотворная радуга, словно нимб над каким-нибудь бывшим великомучеником. А может быть, над самим вседержителем — творцом неба и земли?

Ростовская область.

Александр ПЕТРОВ

В ОДНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Я вошел в канцелярию.
Чисто. Светло.
Книжный шкаф.
Занавесочки.
Урны фигурные.
«Не курить».
«Не плевать».
Пол блестит, как стекло.
Сразу видно, что люди культурные.

Пять минут перед зеркалом я постоял,
Снял фуражку и к девушке с косами,
Напряженно вникающей в модный журнал,
Наконец обратился с вопросами.

Дескать, вот приключилась какая напасть,
Так нельзя ли на вас понадеяться:
До зарезу нужна для комбайна запчасть,
А запчасти такой не имеется...

Пояснила девица, от ярких гравюр
Отрывая глаза с сожалением,
Что обязан я в секцию агрокультур
Обращаться с таким заявлением.

Секретарь агросекции встретил живей:
— К сожалению, занят заведующий.
Загляните сюда через несколько дней,
Ну хотя б на неделе на следующей.

— У меня ведь, поймите, и так много дел!
— Ничего не могу... Заседание.
Обратитесь напротив — в соседний отдел
Кукурузного силосования...

В кукурузном отделе один счетовод
Оказался на месте. А прочие
К исполнению срочных служебных работ
Неслужебные приурочили...

Мне немало в тот день побродить привелось
Коридорами, светлыми залами —
Из отдела в отдел... Наконец и в колхоз
Возвратился я ночью с деталями!

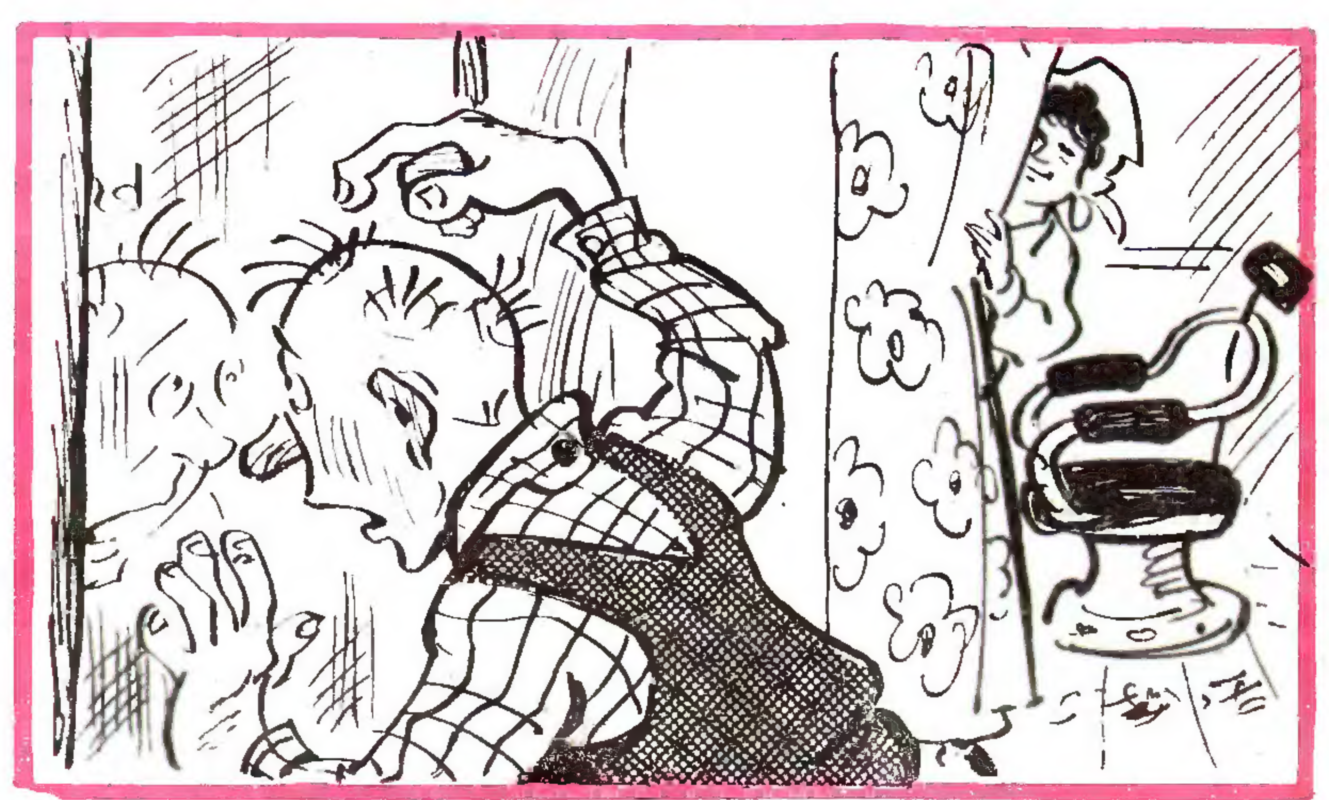
Как достал их? Достать оказалось легко:
Без задержки и без оформления
Я купил их у сторожа склада
Того
Уважаемого учреждения.

Костромская область.

В проекте Примерного Устава колхоза предусмотрены серьезные меры к нарушителям трудовой дисциплины в сельхозартелях. Вполне одобряя эти меры, я тем не менее хочу внести некоторые свои дополнения в этот раздел. Вот как я предлагаю наказывать...

...ТРАКТОРИСТА-БРАКОДЕЛА:

стричь в колхозной парикмахерской на фасон «и смех и огрех».

Рисунки В. ЖАРИНОВА

см. стр. 6.

РАССКАЗ

Елена ЦУГУЛИЕВА

— Поделитесь опытом, барон!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

В кабинете председателя колхоза «Благодать» Антона Петровича Мылова раздался телефонный звонок. Звонили из области.

— Хорошая новость, Петрович! Послезавтра к вам явится представитель кинохроники. Снимать вас будут. Прогремишь на всю область... Как это не надо? Вас наметили как лучших! Так что будь готов...

— Всегда готов,— кисло ответил Мылов, повесил трубку и экстренно созвал правление.

— Я пригласил вас, господа,— сказал Мылов с похоронной физиономией,— чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие...— Председатель колхоза когда-то играл Городничего в драмкружке.— ...К нам едет кинохроника.

— Каюк нам теперь,— вздохнул агроном Потапов.— Помните, как в прошлом году из телевидения нагрянули? Мы тогда неделю потеряли в самое горячее время.

— Именно,— вздохнул и Мылов.— Высказывайтесь, товарищи.

— Чтоб им лопнуть! — с чувством пожелал ветеран колхоза бухгалтер Никитенко.— Тут картофель еще не весь выкопан, коровники надо утеплять... удобрения... семенной фонд...

— Мост ежели взорвать — вот и не переедут реку,— предложил механизатор, в прошлом фронтовик-сапер Игнашин.

— Ну, ну,— одернул его секретарь партбюро Сухоус,— без волюнтаризма!

— Выходит,— сказал бухгалтер Никитенко, терзая сивую бородку,— были бы у нас цифры похуже, так никто бы не привязывался?

— Именно! — подтвердил председатель.— Привязывались бы, но с другого конца. Да. Спокойнее всего, видно, сидеть посередке...

В обсуждении не принимал участия только комсорг Пашка Оболенский. Он сидел молча и глядел в какую-то бумажку.

— А тебя не касается? — напустился на него Сухоус.— Что ты там читаешь?

— Роль учу. Новую постановку готовим,— ответил Пашка, блеснув синими глазами.— Я буду играть пьяницу-тракториста.

— Ишь ты! — сказал председатель.— А ну давай изобрази какой-нибудь монолог.

Пашка встал, разлохматил волосы, распахнул ворот и завыл:

— Т-ты мине уважаишь? Тогда споем. Тяни за мной. «К-куда ведешь, тропинка милая?..»

— До чего похоже! — поразился Никитенко.— Чистый артист Жаров!.. А что, если...

* * *

...На перрон высыпала толпа приезжих, и поезд, гуднув, двинулся дальше. К мужчине в роговых очках и клетчатой кепке вихляющей походкой подошел паренек с рыжим чубом и синими глазами.

— Ежели вы из кино, то вон наш «козлик». Извиняйте, что не на «Волге». Ее шофер в кювет завалил. Наклюкался вчерась.

Очкастый потянул носом (от парня несло спиртным) и ответил:

— Да, я из кинохроники. Фамилия — Судаков. Автобус наш прибудет завтра, а я заранее.

Вскарабкавшись в машину, он продолжал:

— Намечу, что и как снимать. Договорюсь с людьми. Проверю, кто может выступать без бумажки... ой!

Машину сильно тряхнуло. Водитель, не разбирая дороги, шпарил по кочкам и ухабам.

— Говорят, у вас замечательная молочная ферма. Какая жирность молока? Удои? Яловость?

— А бес его знает! — махнул рукой паренек.— Доярки по домам сливки растаскивают, так им о жирности лучше знать.

— По домам? — изумился гость.— Вы что-то не то говорите. А птицеферма имеется?

— Это вы у председателя спросите, куда он курей подевал,— сумрачно сказал шофер,— а я сроду стукачом не был.

Он отвернулся от седока, скособочился и заголосил:

— «И с той старинною, да семиструнною, что по ночам так мучила меня...». А вот и наше правление.

«Козлик» остановился. Пассажир, потирая синяки, вывалился на волю. Председатель стоял на крыльце, держа в руках каравай с воткнутой в него солонкой. Антон Петрович был несколько возбужден...

— Милости прошу! — возгласил он, изобразив нечто вроде реверанса.— Заходите, побалакаем. Пашка, разыщи партийного секретаря.

— Сам разыщи! — огрызнулся Пашка, сел в машину и укатил.

— Самостоятельные у меня кадры! — хвастливо сказал Мылов.— Пойдемте пройдемтесь... Вот, к примеру, наша знатная доярка.

Возле овощного ларька прямо на земле сидела женщина в зеленой шляпе. Она блаженно улыбалась, держа в руке обкусанный огурец.

— Милый плачет — ничего не значит,— двусмысленно заявила знатная доярка.— Нынче я, а завтра уж ты...

— А где остальные кадры?

— Укатили базарить. Со своих участков помидоры повезли. Помидоры — товар нежный...

Председатель взял гостя за рукав и повернул его в другую сторону:

— Вон идет наш партийный секретарь. А мне уже некогда.

И быстрыми, но неверными шагами Мылов скрылся за углом.

— Зашибает?—доверительно спросил Судаков подошедшего Сухоуса. Тот угрюмо покачал головой.

— Вот как закончите съемки — отправим беднягу в город. На лечение. В прошлом году лечили — до весны держался. А ныне...

— Послушайте, товарищ,— робко заговорил Судаков.— Мне говорили, что колхоз ваш передовой. А я, извините, до сих пор ничего... м-м-м... выдающегося не приметил.

— А кто говорил-то? — презрительно спросил Сухоус.— У бухгалтера, небось, сведения брали? Так наш бухгалтер уже сидит. За очковтирательство и приписки в отчетности. Поделом ему. Давно бы надо. Пойдемте-ка к агроному Потапову. Он, конечно, тоже приврет, но не столько, как Никитенко. Ох, тот был мастак! Сколько лет всех за нос водил... Впрочем, надо вас где-то и на ночлег пристроить...

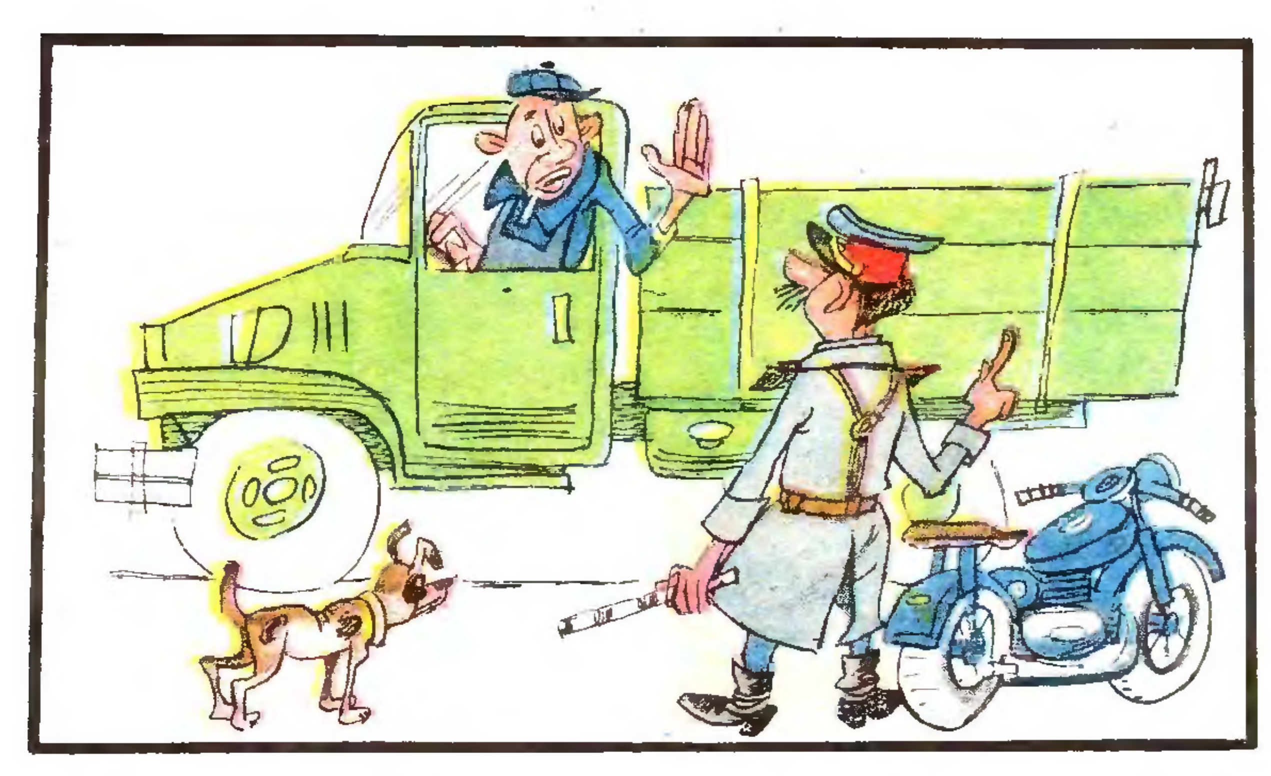
— Не беспокойтесь,— сказал гость.— Лучше отправьте меня на вокзал. Я вам потом позвоню, как там будет со съемками.

Пашка, отвезя Судакова на станцию, вернулся в правление, содрал с шеи еще мокрый от водки галстук и с отвращением сунул в карман.

— Чуть взаправду не охмелел. Нанюхался,— сказал он.— Ловко же вы придумали, Антон Петрович...

Правление никто не собирал. Оно собралось само. Тут же был и бухгалтер Никитенко.

— Отбоярились, — облегченно вздохнул Сухоус.— Разыграли как по нотам. А то могли бы дней десять потерять...

— Да что вы, товарищ начальник, какие левые рейсы?

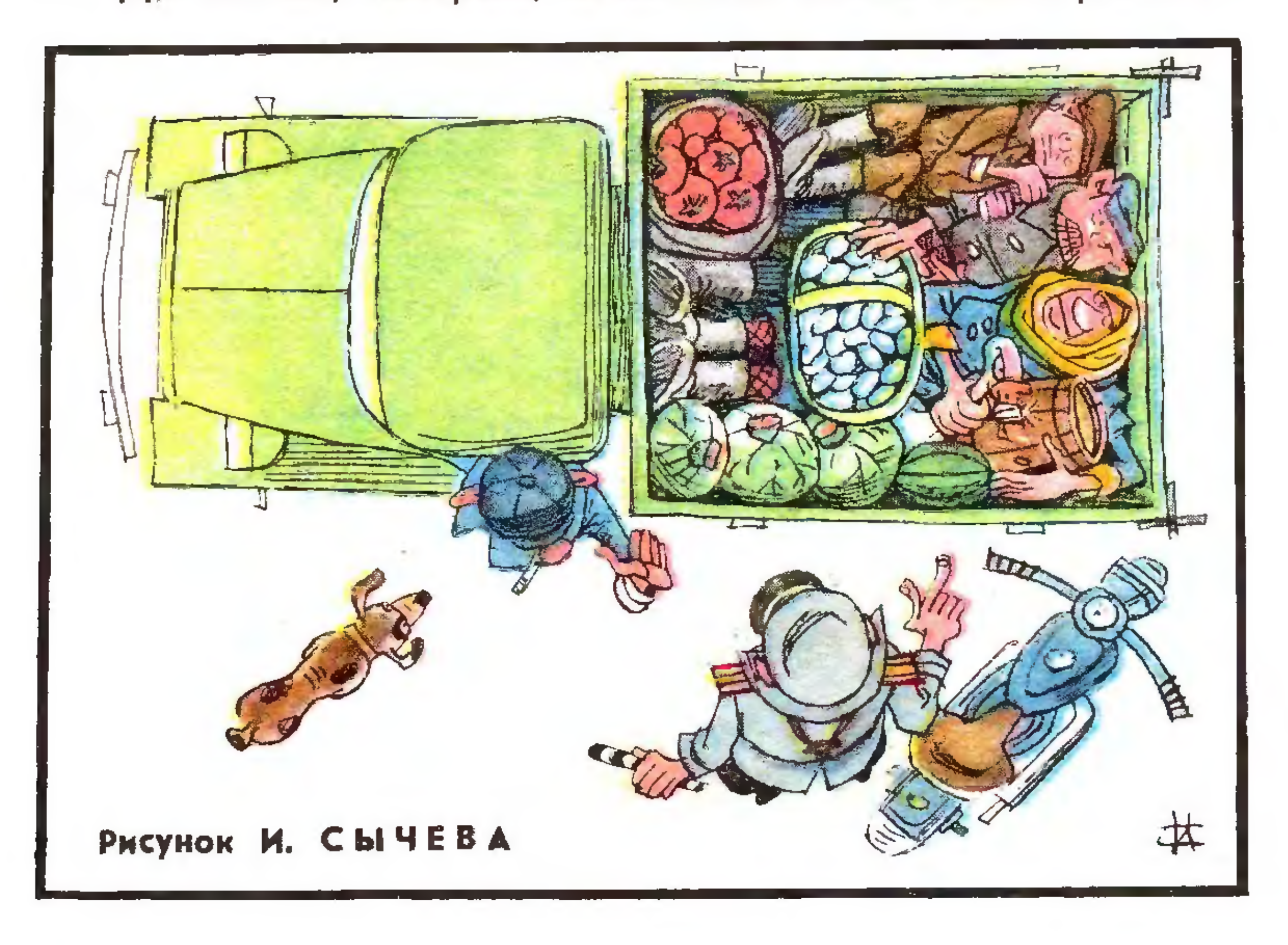

Рисунок И. СЫЧЕВА

Кое-что о свинье

Мы несправедливы по отношению к свинье.

Действительно, нет, пожалуй, большего оскорбления, чем назвать человека свиньей. Может быть, это отголоски далекого прошлого, когда свиньи прозябали в убогих хлевах? Когда единственным санаторием для них был грязный скотный двор?

Ну разве можно сказать о свиньях колхоза «Буткунай», Укмергского района, что они «грязные, как свиньи», если ухаживают за ними люди в полном смысле слова в белых халатах? И делается это не напоказ, потому что колхоз «Буткунай» уже кандидат Выставки достижений народного хозяйства. Колхоз достиг высшего республиканского рекорда: 200 килограммов свинины на гектар пахоты. Кстати, свиньи всех республиканских хозяйств принадлежат к одной породе — «литовская белая», которая не только белизной, но и вкусом утерла нос подавляющему большинству европейских свиней.

Свиноводство в республике — самая продуктивная часть животноводства.

Вильнюсское бюро технической информации выпустило книгу под названием «Все из бекона». Это настоящая кулинарная симфония о свинье. Около семидесяти вкуснейших вариаций можно приготовить из мяса незаслуженно оскорбленного животного.

Но это уже лирика гурмана. А нам хочется напомнить, что свиньи ежедневно толстеют на полкилограмма, иначе говоря, каждые сутки повышают свои акции на рубль.

Между тем основное свиное «наводнение», буквально захлестывающее мясокомбинаты, по-прежнему случается в осенние месяцы. А ведь давно известно, что выращивать свиней можно в течение всего года и что мясокомбинаты не резиновые.

Последняя дорога свиньи — дорога на эшафот. Но мясокомбинаты нередко отказываются подписать ей приговор. Дело в том, что из колхозов и совхозов свиней транспортируют на мясокомбинаты более чем по-свински. Их привозят поцарапанными, побитыми и в связи с этим, конечно, снизившими свои кондиции. Давно уже ведутся разговоры о специальном транспорте. В самом деле, ведь для перевозки цемента, нефти, молока и даже мусора существуют особые машины. А чем провинились свиньи, что их иной раз возят даже на самосвалах?

Руководители Вильнюсского и Каунасского мясокомбинатов уже сами отбирают и вывозят свиней из колхозов двух районов республики на специальном транспорте. Инициатива, достойная подражания.

Не обошла свиней и мода. Один год в чести бекон, другой — мясная или сальная свинина. И вовсе не обязательно превращать свинью в бегемота, чтобы она весила четверть тонны. Такая свинья, может быть, внушительно выглядит на рекламном плакате. Но погоня за тоннажем не всегда способствует повышению спроса потребителя.

В буржуазное время много говорилось о том, что Литва — край высокоразвитого свиноводства.

Недавно в аэропорту Копенгагена я познакомился с бывшим агентом бывшего акционерного общества «Майстас». Это общество раньше экспортировало бекон в Англию. Бывший агент смотрел на хмурое небо и вздыхал о Литве:

— Да, я знаю, что это не пропаганда, что в Литве много фабрик и что теперь производят не только подковы, но и телевизоры, станки и счетные машины. Но зато сколько бекона и свинины производили в прежние времена!

Пришлось мне обратиться к фактам и цифрам, и когда бывший агент узнал, что мяса мы теперь производим в пять раз больше, чем в буржуазной Литве, лицо его перекосила гримаса...

Этот случайный разговор и побудил меня написать несколько теплых слов о свинье.

Леонас КЯУЛЕЙКИС

Литовская ССР.

Владимир ПОЛЯКОВ

Ночной разговор

Супруги Матюхины долго не могли заснуть. То есть Александр Сергеевич хотел спать, но Елизавета Аполлоновна не давала ему этой возможности.

— Так больше не может продолжаться! — взволнованно говорила она.— Почему все пишут, а ты не можешь? Ты же писатель все-таки...

— Очевидно, таланта нет,— сказал, зевая, Александр Сергеевич.

— С талантом-то каждый дурак напишет... Сядь и пиши.

— Сесть я, конечно, могу... А что толку? Писать надо о том, что волнует...

— Я тебя волную? Вот и пиши обо мне.

— Могут сказать, что это не тактично...

— Тогда попробуй что-нибудь переделать. Теперь модно переделывать старые пьесы на новый лад. Напиши «Горе от ума». Чацкий приезжает из-за рубежа и поносит все западное. Плохо? Или сочини новую «Анну Каренину». Она пишет на Вронского в его организацию, и Вронский бросается под поезд, но его спасают пионеры, которые собирают металлолом. А если сценарий для кино? Например, человек залезает в квартиры, ворует деньги, но так как он честный человек, то пересылает их в фонд многодетным матерям. Сядь и пиши. Чехов говорил, что писатель должен обязательно каждый день писать. И он писал.

— То был Чехов.

— Неужели все дело в фамилии? Ты думай!

— Я думаю. Я, пожалуй, напишу пьесу из колхозной жизни.

— Прелестно!

— У меня будут действовать две семьи знатных колхозников. Семья Монтековых и семья Капылетовых.

— Какие-то знакомые фамилии...

— Обычные русские фамилии. Они в ссоре. Монтековы не могут простить Капылетовым, что те вышли на первое место по уборке. А сын Капылетовых — его будут звать Ромкой, и он комбайнер,— влюбляется в дочку Монтековых по имени Катя. Она работает на свиноферме и выводит свиней-рекордисток. Ромка еще не видел Катю, но он увидел выращенную ею свинью, и этого ему было достаточно. Он полюбил Катю со всем юношеским пылом. Они встречаются в кружке самодеятельности, где силами колхозников готовится пьеса Софронова «Стряпуха замужем». Эта пьеса сближает молодых, но родители против их брака.

— И молодые кончают с собой?

— Ты что, с ума сошла? Они начинают бороться за подъем зяби. Им помогает в этом председатель колхоза, который снабжает их всем необходимым, а главное, он играет на гитаре и поет песню. Я уже придумал первые строки:

«Ах ты, зябь моя родная,
Мой заветный чернозем!»

Катя выкармливает двенадцать поросят для ВДНХ, Ромка тоже делает все возможное в самых невозможных условиях. Семьи мирятся, и в третьем акте свадьба.

— А в какой деревне это происходит?

— Я думаю назвать деревню Малеевка. И пьеса будет называться «Свадьба в Малеевке». Теперь надо только немножко изучить материал.

— Поедешь в колхоз?

— Полистаю энциклопедию. Нужно, чтобы в пьесе была колхозная терминология: «силос», «фосфаты», «опорос». Надо уточнить значение этих слов.

— Я уверена, что это будет шедевр! Дай я тебя поцелую! Имей в виду, что в твоем лице я целую крупнейшего мастера колхозной темы!

Елизавета Аполлоновна поцеловала мужа и погасила ночничок на тумбочке.

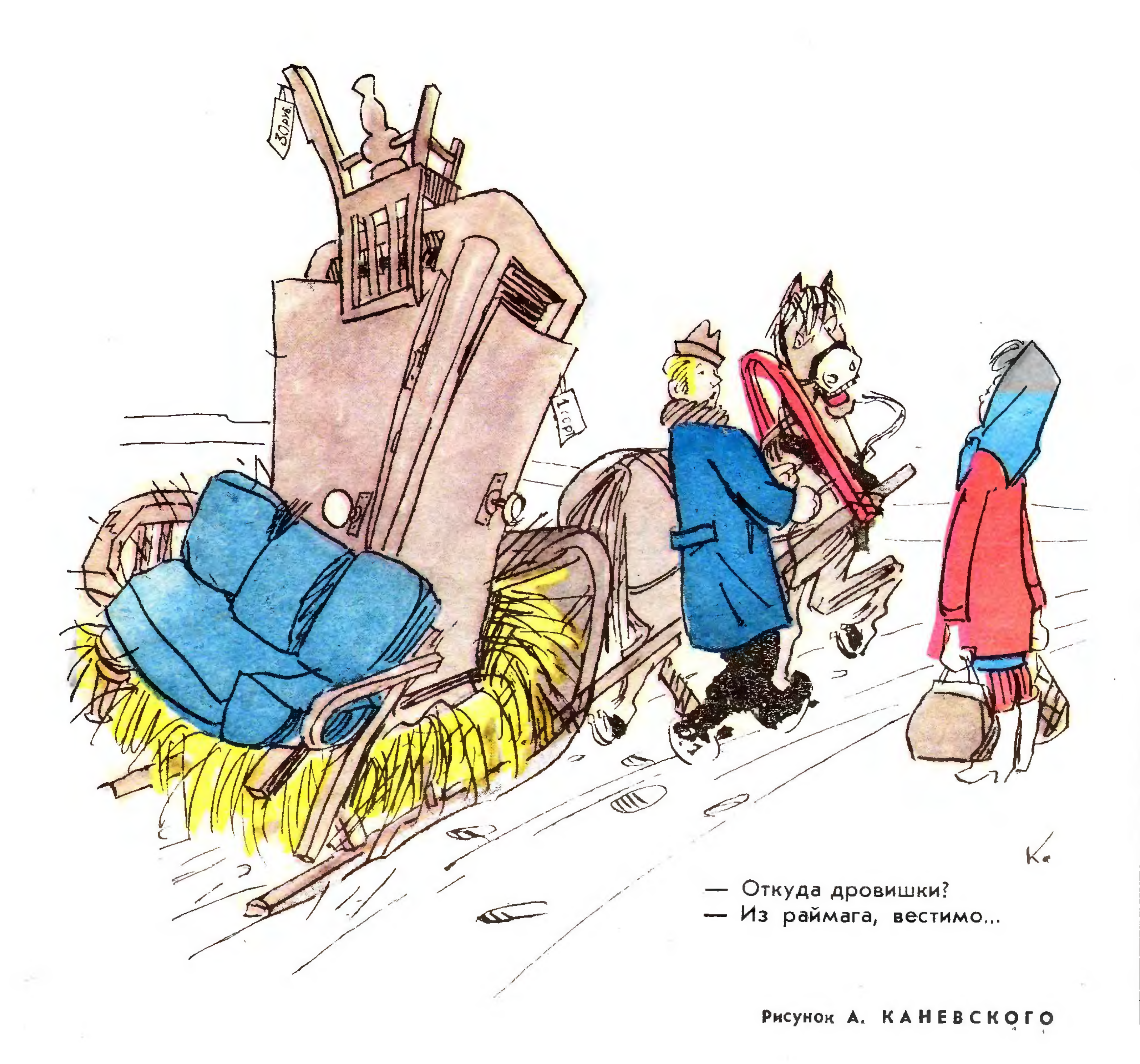
За окном была темная ночь. Очень темная.

...САМОГОНЩИЦУ:

помещать в один сарай с постоянными потребителями ее «продукции».

См. стр. 10.

— Откуда дровишки?
— Из раймага, вестимо...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

ЖАМИДИН

СТОИТ ЛИ ОБ ЭТОМ ГОВОРИТЬ!

Сколько председателю твердили:
— Надо стиль работы изменить...
Отвечал он всем в любимом стиле:
— Стоит ли об этом говорить!

Старики пешком в поля ходили.
Каждый день
по десять верст ходить...
Предколхоза мчит в автомобиле.
Стоит ли об этом говорить!

Клуб для молодых соорудили,
Стали в клуб картошку завозить,
Клуб в сарай,
конечно, превратили.
Стоит ли об этом говорить!

Предколхоза вскоре «прокатили»,
Стал он всюду с жалобой ходить,
А ему повсюду говорили:
— Стоит ли об этом говорить!!

Перевел с лезгинского Э. ЛЕВИН.

Е. ГОРЕЛКИН

ПЛЮС, МИНУС

Цыплят, один другого краше,
Дала сверх плана ферма наша —
Полсотни штук молодняка.
Все — высший сорт наверняка!
Успех, конечно, обмывали,
Хвалили птичниц всех подряд...

А на столе расправы ждали
Полсотни жареных цыплят.

Валентин ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

ВЕРА, НАДЕЖДА И МИЛЛИОН

Оптимизм распалял. Энтузиазм подстегивал.
— Жить надо широко! — сказал я с жаром и огляделся.

Окрест меня, в степи под Херсоном, лежал мясо-зерновой колхоз «Грузия» и ярко иллюстрировал, что может дать материальная заинтересованность хозяйству. В этом году она дала больше миллиона рублей прибыли.

— Главное, надо строиться! — кипятился я.— Внедрять механизацию и автоматизацию! Нужно приблизить деревню к городу и поставить корову на индустриальные рельсы!

Председатель колхоза Григорий Андреевич Лигунов встретил мой оптимизм как-то без подъема и даже с улыбкой.

— Совершенно с вами согласен, но должен заметить, что на спускаемые сверху стройфонды вы за целый год не поставите на эти рельсы и курицу.

— А миллион прибыли? — наступал я.— Вложите его в дело. Он умножит доходы. Эх, мне бы миллион!

— Он в вашем кармане! — с готовностью откликнулся председатель.— И дай вам бог попутного ветра и сверхлимитных стройматериалов!

Холодный ветер гулял по Херсонщине. Я пересекал ее в северо-западном направлении, согреваясь здоровым энтузиазмом. Из груди, весело оглашая степь, вырывались победные восклицания:

— Эй вы, принцы фондов! Готовьте гвозди и шурупы, арматуру и кирпичи! Эй, короли лимитов! Выписывайте отопительные котлы и трубы! Дорогу честному советскому миллионеру!

В таком победном настроении я достиг Херсона и, как уполномоченный колхоза по заготовке стройматериалов, нанес визит начальнику областного управления сельского хозяйства А. А. Лимарю.

— Я от имени и по поручению... Наш колхоз решил поставить корову на индустриальные рельсы. Для этого нам нужны гвозди...

— Лимитные гвозди вы уже съели,— сообщил начальник холодным голосом.

— Да, но у нас миллион прибыли! И ради скорейшей индустриализации мы готовы бросить его на сверхлимитные...

— Товарищ,— с тем же холодом осадил меня начальник,— сверхлимитных фондов нам не спускают, идите вы со своей коровой... выше!

С верой в бронебойную силу миллиона я пробился в кабинет заместителя председателя «Сельхозтехники» А. П. Карпова и лучезарно рапортовал:

— Наш колхоз смело ставит корову на индустриальные рельсы. И ради этого решительно бросает миллион прибыли на сверхлимитные...

— Послушайте, шли бы вы со своей коровой в облплан! — прямо и искренне посоветовал заместитель.— Сверхлимитных стройфондов он нам не спускает.

В облплан я вошел все еще с верой и надеждой. И твердым голосом обратился к королю областных лимитов, начальнику отдела материальных фондов Е. А. Панкратову:

— Мы ставим на индустриальные рельсы...

— Корову! — с понятием прервал меня король.— Знаю, знаю. Сейчас все взялись за индустриализацию, приходят с миллионами и канючат сверхлимитные шурупы, гвозди... А у нас их нет. Так что ступайте вы с коровой...

— Куда? — загорячился я.

— В Москву.

Оптимизм начинал уходить от меня. Я покидал Херсон в смятении. «Вот тебе и вера, вот тебе и надежда,— с грустью размышлял я.— А где же любовь? Где же горячая любовь к братьям-колхозникам? Выходит, она ограничена лимитом? Но зачем тогда материальная заинтересованность? К чему этот миллион прибыли, ежели на него не купишь и жмени гвоздей? Ведь под каждый рубль должна быть подсунута какая-то ценность: если не гвозди, то кирпичи, если не кирпичи, то...»

В общем, с крайне смутными мыслями я приехал в Москву, вошел в Госплан и прижался к стенке: по коридору мимо меня строевой иноходью мчались куда-то деловые люди. Они энергично размахивали папками «К докладу». На их лицах была озабоченность.

«Вот они, настоящие принцы стройфондов! Вот они, действительные короли лимитов!» — восторженно смекнул я и, осадив на полном скаку белокурого рысака, зашептал с пылом в его большое ухо:

— У меня есть миллион... Нужны гвозди...

Король лимитов очумело посмотрел на меня.

— Товарищ, мы крутим фондами на миллиарды рублей и спускаем их в централизованном порядке. А вы устраиваете тут Тишинский рынок, пристаете с каким-то миллионом. Идите со своей коровой...

— Куда? — закричал я с отчаянием.

— На все четыре стороны!

И он поскакал дальше.

Херсонская область – Москва

Исполнители: Геннадий АНДРИАНОВ, Юрий УЗБЯКОВ, Игорь СЫЧЕВ, Святослав СПАССКИЙ,

КРОКОДИЛЬСКИЙ КОНЦЕРТ

— Ведь мы ребята, ведь мы ребята
Семидесятой широты...

...Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь...

— Под снегом-то, братцы, лежала она,
Закрылися карие очи...

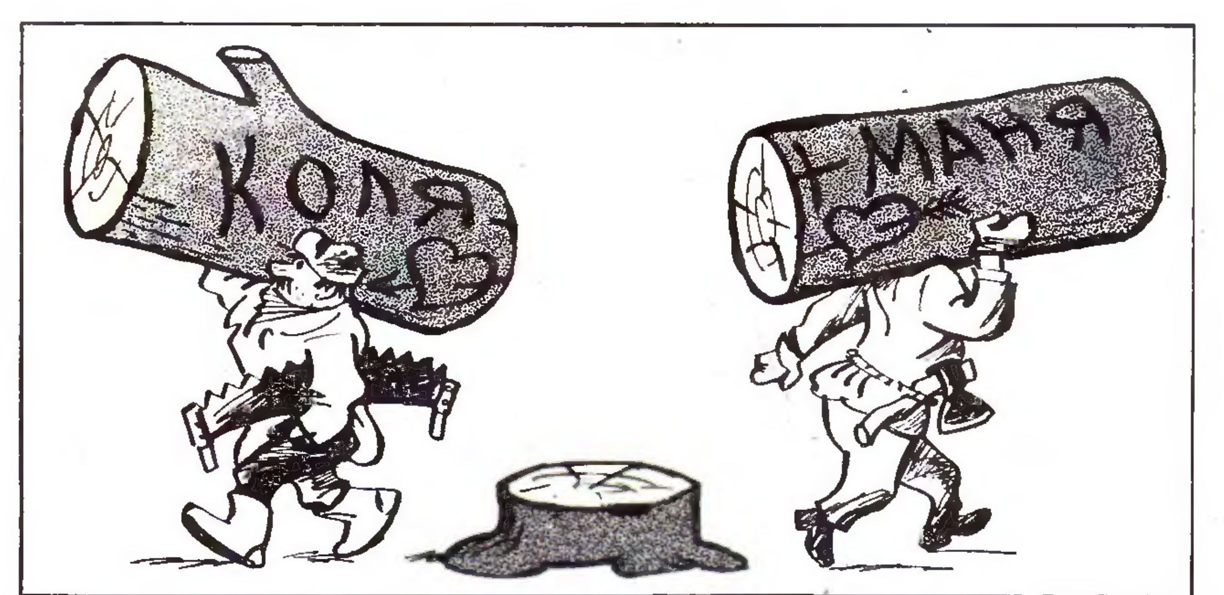

— Что мне жить да тужить, одинокой?

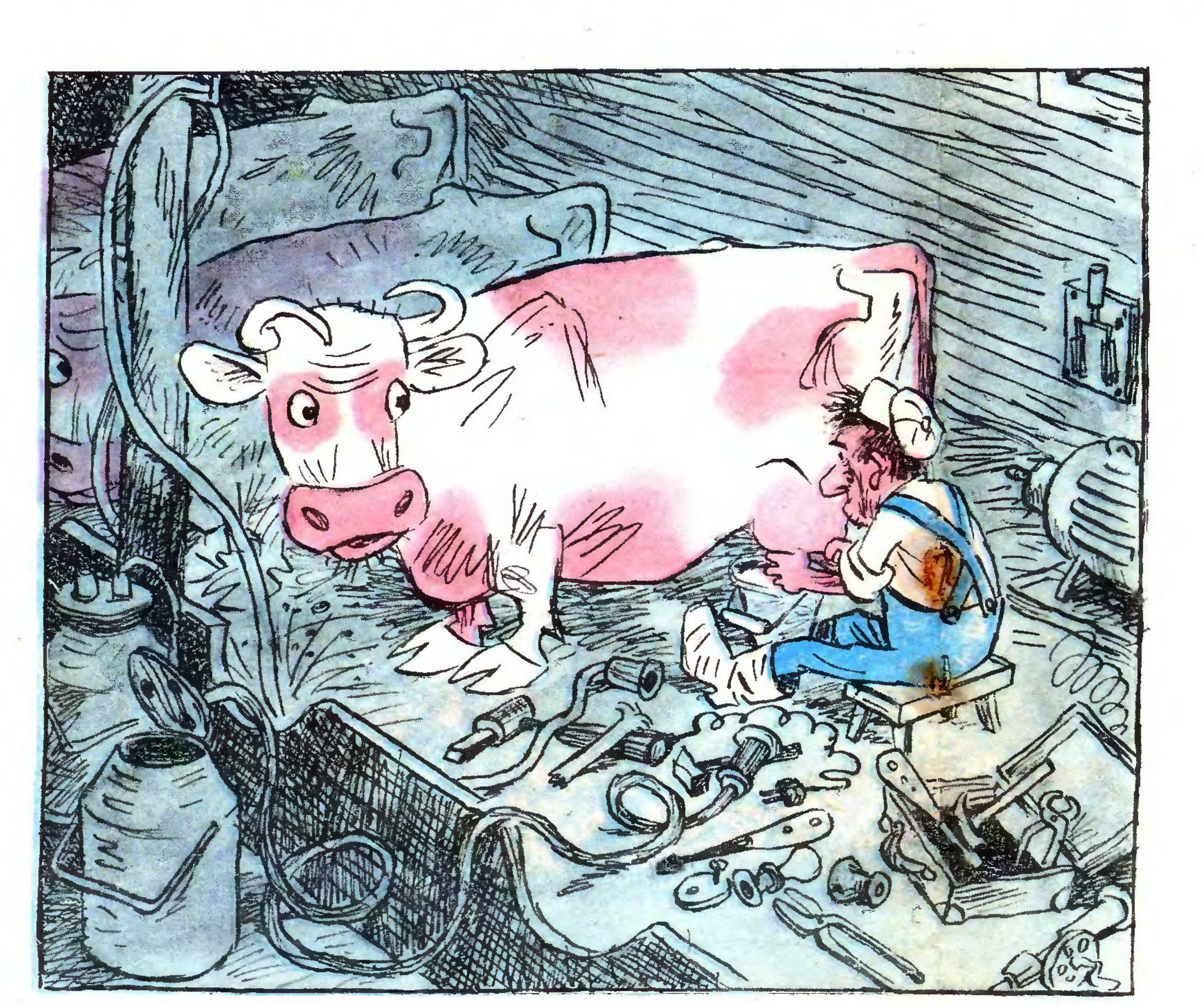
— Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера...

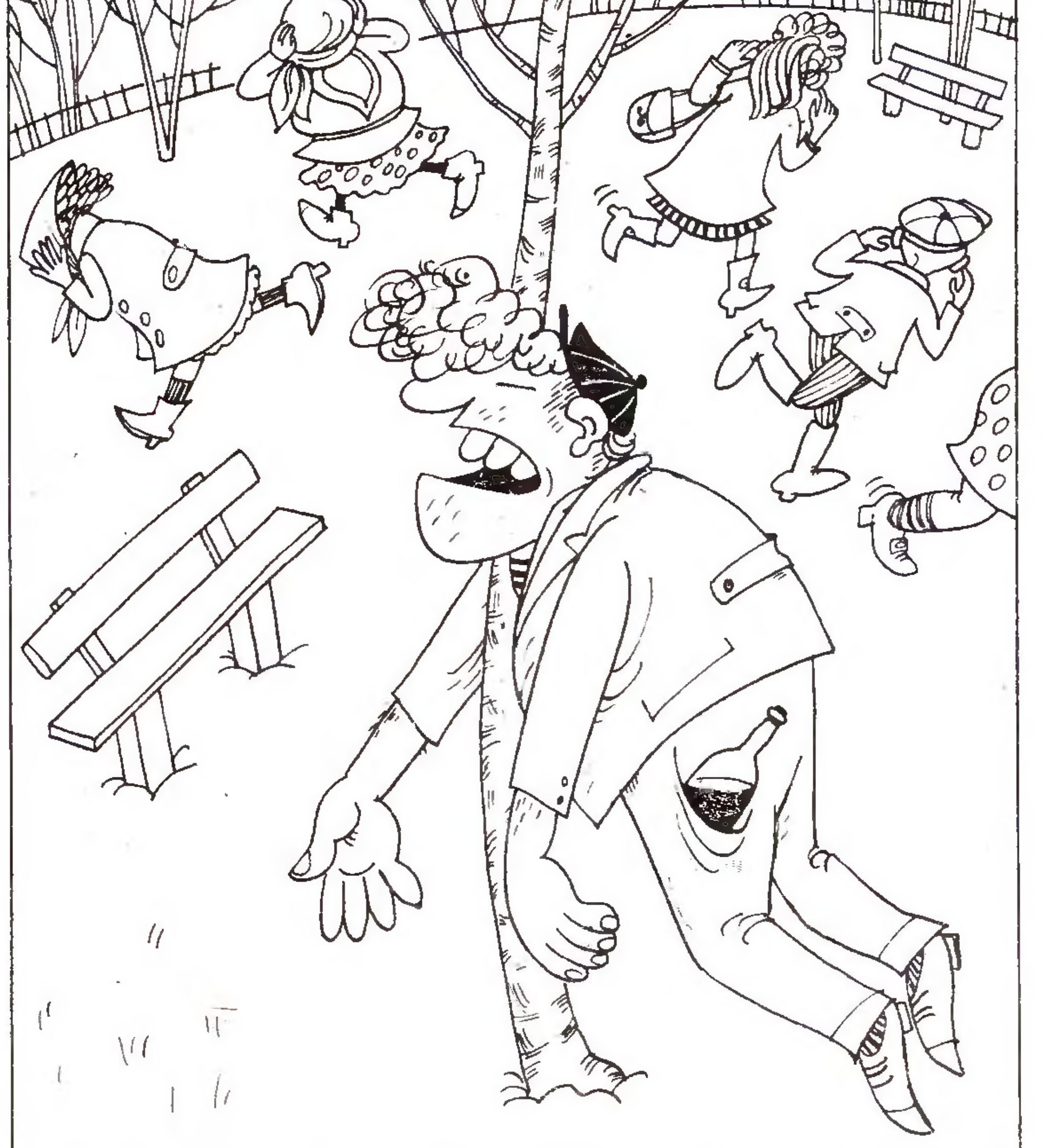
...Зачем, зачем, о люди злые,
Вы их разрознили сердца?

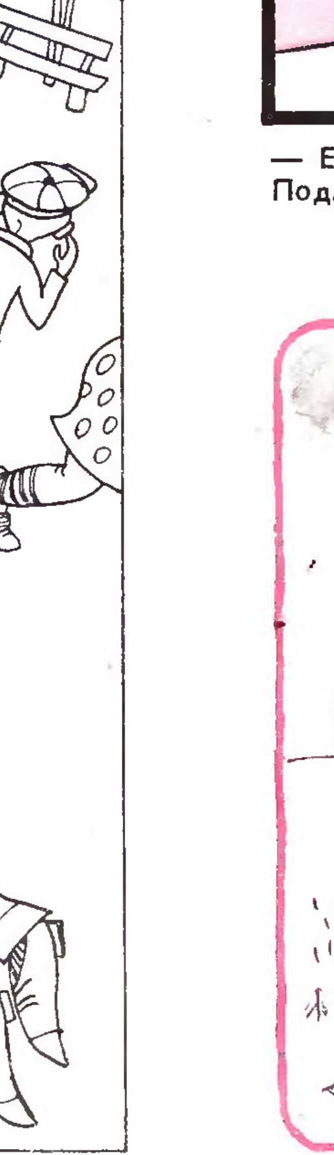

— Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит!

...Сам наутро бабой стал.

...Паренек кудрявый прошептал три слова.

...На побывку едет молодой моряк.

Исполнители: Александр ГРУНИН, Евгений ВЕДЕРНИКОВ, Владимир ШКАРБАН, Виктор СОЛОВЬЕВ, Владимир ЖАРИНОВ.

Простого становится все меньше, сложного — больше. В общем, мы уверенно шагаем от простого к сложному.

Вот, скажем, лет пятьдесят назад разве могла бы возникнуть такая тема для фельетона, как «Крестьянские претензии к сельскохозяйственной технике»? И не к чему было в общем-то претензии предъявлять. А теперь вот и тема есть, и большого фельетона для нее не очень-то хватает.

Конечно, техники в деревне и сейчас не везде в избытке имеется. Но зато уж к тому, что есть, претензий ой как достаточно. И опять же непростых.

К примеру, дороги. Тоже просто с этим делом когда-то было. Нет их — и бог с ними, не позарез и надобно. В крайнем случае, выход найти какой-нибудь можно. Тем более, если такая непролазная местность, как Вологодчина. Один тамошний уроженец в таком безвыходном положении взял да и самолет однажды выдумал по простоте душевной. Можайский его фамилия.

Теперь самолеты на Вологодчине есть, а с дорогами по-прежнему сложности. По весне, по осени, по мокропогоде, из-за буранливости образуется такое великолепное бездорожье, что на уцелевших дорогах появляются в это время патрули, останавливающие всякого, кто едет без специального на то разрешения. Чтоб не заездили дорогу до полнейшей непроходимости.

И вот уже выдирают машину из грязи трактором, и трактор при этом принатуживается и покряхтывает, как Жаботинский.

При такой-то надрывной жизни техника, конечно, то и дело вопиет о ремонте. Кое-что прямо в колхозе подлечат, кое-что в районную «Сельхозтехнику» свезут... Но главнейший ремонт, конечно же, лучше всего делать в специализированном заводе. В Вологде он называется «Ремсельмаш». Есть на нем и моторостроительный цех. Вот, казалось бы, кому «караул» кричать, отмахиваясь от колхозов с их надорвавшимися на бездорожье моторами!

А все получается наоборот от того же бездорожья, по которому на завод не отовсюду и доедешь. Поэтому цех работает с недогрузкой. Поэтому заработки малюсенькие. Поэтому текучесть кадров. Поэтому плохое качество ремонта. Поэтому не хотят везти туда двигатель, если даже есть по каким путям-дорогам. Поэтому цех работает с недогрузкой... Так вот причина за причину цепляется и очень хорошо закольцовывается.

Еще вот какое дело. Все знают, что запчастями деревня снабжается пока еще не совсем на круглую пятерку. А от этого выходит дальняя дорога на базы снабжения и на заводы-поставщики, чтобы добиться хотя бы того, что они обязаны дать деревне по фондам.

...Ульяновский автомобильный завод для примеру. Забор. Ворота в нем. Рядом — избушка отдела сбыта. И на воротах и на заборе — написанные мелом, углем, чем-то — отзывы посетителей: «Замучен отделом сбыта. Игнатьев». «Крылов и Савосин Вася с Дальнего Востока стояли на берегах Волги». «А мы — псковские». «Драки—драки — дракачи, налетели толкачи! Кто на драку не придет, тому меньше попадет!» И так далее.

Подъезжает к воротам очередной доставатель.

— Это еще что за номер! — удивляются толпящиеся у ворот. На машине — номер серии ЮАХ.

— Никак из Юрюзани машина!

— Из Южно-Сахалинска они. Через Татарский пролив — на корабле, а дальше — своим ходом.

— Откуда, братцы?

— Из-под Москвы. Мытищинский район. К кому тут обращаться?

— К господу. Ему это понравится.

Евгений МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

РАЗНЫЕ СЛОЖНОСТИ

К вечеру мытищинцы втягиваются в толкачиный быт. Им говорят, что вон те вон кирпичные будочки не для собак. Их киевляне построили, натаскав кирпичей с вон той вон новостройки. Житье у них в будочках происходило. А еще они бегали к какой-то старушке на телевизор, когда играло киевское «Динамо». Теперь же в одной из будочек местожительствует дядя Валера, которому нет никакого смысла давать три рубля взаймы.

Мытищинцы начинают суетиться в поисках ночлега. Первую ночь они спят на вокзале, вторую— по очереди в кабине машины, наутро они дают дяде Валере три рубля взаймы, а потом не видят в этом никакого смысла. И наконец, к вечеру раздобывают адресок, где по курортной цене «рубль с носа» — ночевка на раскладушке.

Ну, а днем — топтание возле сбытовой избушки. Можно, конечно, и телефоном попользоваться, но необходимый номер кто-то уже абонировал и, кажется, читает по телефону «Войну и мир». Так что возле избушки — лучше. Раза два-три в день в окошко выглядывает тетенька и произносит: «Нету!»

Тогда к вам подходит сбоку никому не известный человек, имеющий какое-то отношение к заводу, и произносит: «Есть!» В том смысле, что коробка передач — 150 руб., мост — 300 руб., тент для «ГАЗ-69» — 100 руб... и вообще, все что угодно. Наличненькими.

Кто-то и уплачивает, а кто-то уж восвояси покатил, так и не досидев, не докурив последней папиросы. Потому что, если просидеть очень уж долго, можно вернуться в деревню уже не с тем, что нужно. Оборудование за это время могут усовершенствовать, и не те уже запчасти будут надобиться. Даже для одной и той же модификации, ну хотя бы трактора, одни и те же детали не подходят, если они с разных заводов привезены.

Хорошо только тогда бывает, когда машину перестают выпускать совсем. К тому времени как раз и налаживается дело с запчастями для нее. Для снятого с производства трактора «ДТ-54» сейчас любую деталь можно заказать, кроме коленчатой оси — традиционного дефицита. Коленчатые оси, они на дороге не валяются. И дорог нет и осей на них.

В селе Чуровском при мне даже спор разгорелся. Я же и виноват был. В ремонтной мастерской я заинтересовался только что отремонтированным голубеньким трактором. Я спросил его марку. Тут и начались разнотолки. Раньше этот трактор был «Беларусью». А вот теперь, при ремонте, от каких только агрегатов не пришлось подгонять к нему детали! И потерял трактор свое лицо.

Многое чего из техники в деревне приходится на ходу перестраивать. Вот молокопровод.

— Всем, паразит, хорош! — сказала о нем доярка Вера Тимохина.— Только неизвестно, от какой коровы сколько молока в него попало. А от уравниловки среди нашего брата ссоры получаются — никак не видно, кто лучше кого работает.

Как ссора, так коллектор долой: доильная установка, она пообъективнее, индивидуальный подход к каждой корове есть. Хорошо, конечно, если корова у тебя рекордистка, но и малоудойстая — тоже удобно. Тогда стандартное доильное ведро будет для нее в аккурат. На 10 литров оно рассчитано. А то вот в колхозе имени Калинина перестарались и вырастили коров, негодных для доильных установок. Не хотят коровы ограничиваться десятью литрами молока, шпарят до пятнадцати. Приспособили вместо ведер бидоны. А они сорокалитровые. Не шибко побегаешь с таким типовым бидончиком.

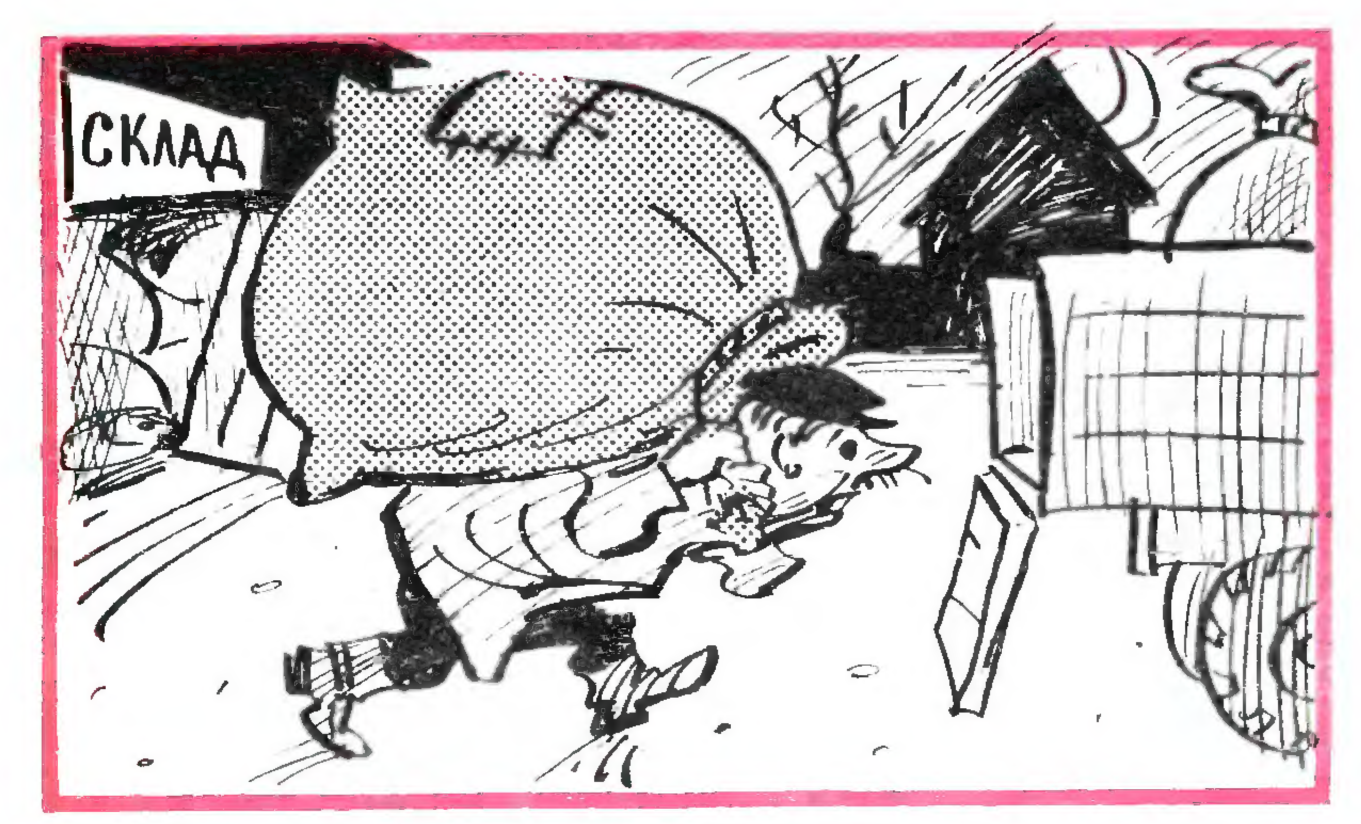
О всех деревенских хитростях и не расскажешь. По секрету некоторые сообщены. В одном колхозе (не скажу в каком, он и не вологодский даже) сперва крепко обижались на проектно-сметное бюро тамошней областной «Сельхозтехники». Уж больно долго оно оформляло проектно-сметную документацию. А потом приспособились. Я там на току был.

— Ничего точок? — горделиво спросил меня главный инженер колхоза.— То-то. Мы госкомиссии какую-то случайную документацию подсунули, она и приняла ток. Только пожарник попридирался кое к чему. Мы уже целый сезон на этом току отработали, а настоящая документация только вчера пришла...

Хорошо, конечно, сознавать, что все это сложности и трудности роста, но все-таки и простоты порою хочется.

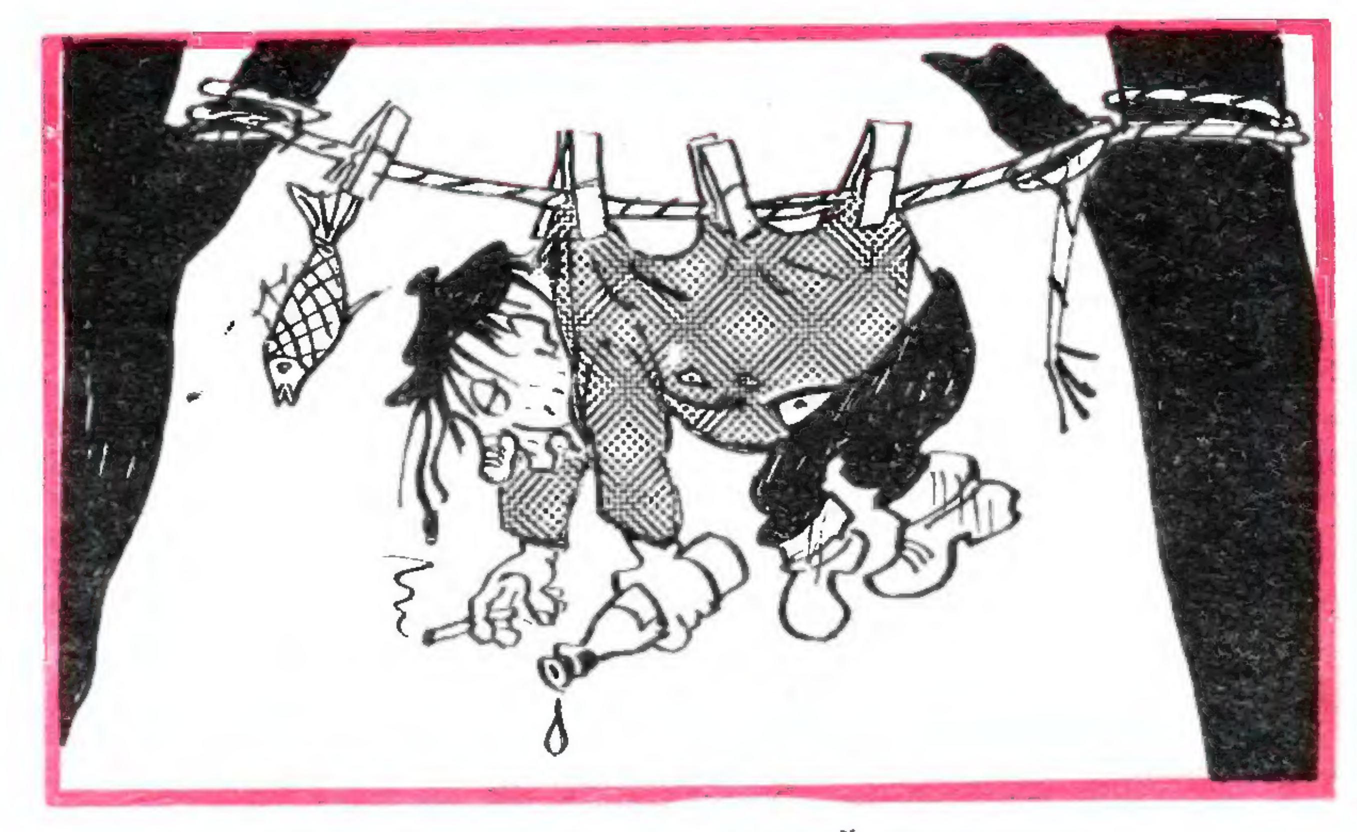
Вологодская область.

...РАСХИТИТЕЛЯ:

использовать на погрузочных работах в ночное время.

...ПЬЯНИЦУ:

раз в неделю вывешивать до полной просушки.

См. стр. 11.

Михаил ЛЬВОВСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ТОЛЬКО 0,2%

— Куда девать гроши?

Проблема, которую мы-то с вами уж знали бы как решить, представьте себе, существует. Возьмите Черкасскую область. В ней 460 колхозов, и все высокодоходные.

Дома культуры, музыкальные школы, новые дома под черепицей — нынче этим никого не удивишь.

А честно говоря, хочется по-хорошему удивить. Хочется сказать «А у нас!» и спросить «А у вас?». Ведь такое желание появляется не только у детей дошкольного возраста.

В прежние времена деньги понемногу растекались на монументальные арки («А у нас!»), на аллею скульптур дискоболов («А у вас?»), на коллективные возлияния в лесопосадке и прочие малопродуктивные мероприятия.

Так было на Черкасщине еще лет пять назад. А затем сообразительные люди предложили:

— Давайте построим колхозный дом отдыха!

Тут-то головы сельхозартелей слегка замялись. Их одолели сомнения. Спокон веку такого не бывало — дом отдыха! И спокон веку, если уж кому-то приспичит, то сядешь, составишь бумагу, ударишь челом курортному управлению:

«Убедительно прошу выделить нашему лучшему передовику имярек 1 (одну) путевку».

Лучшего передовика спрашивали, является ли он членом профсоюза, и чаще всего поворачивали на 180 градусов.

Тем не менее на дом отдыха в чистом виде головы не согласились. Они подобрели лишь после того, как кто-то догадался перекрестить дом отдыха в постоянно действующий семинар. Это звучало убедительней и было как-то ближе к производству.

«Семинар» построили. Начали сочетать полезное с приятным. Со всей области собрали доярок, сказали им, что пришла пора повысить квалификацию, против чего, естественно, доярки возразить не могли. Курс лекций по электродоению их не миновал, однако заодно удалось незаметно «протащить» физзарядку, лыжные прогулки, меню по заказу, тихий час и культурного массовика. Поначалу режим дня оказался для жинок трудноватым: они просыпались чуть свет, ко времени первой дойки, а в час тихого сна бегали к завхозу с просьбой выдать лопату и, чтобы немного развеяться, усердно чистили снег. Потом пообвыкли и, уезжая домой, дружно интересовались:

— Когда будет следующий семинар?

Две недели отдыха «в нагрузку» к семинарам и лекциям получили затем полеводы, овощеводы, свинарки, пасечники и представители прочих профессий.

Со временем семинары стали проводить там, где и следовало: на фермах, в поле. Осталась лишь «нагрузка» — отдых.

Когда после этого внесли предложение построить на базе дома отдыха санаторий, ни один голова перечить не стал. Все четыреста шестьдесят сказали «да!», и через две недели на паевых началах было создано нечто вроде межколхозного треста во главе с Советом по строительству курорта «Свитанок» («Рассвет»).

Уже в ту пору в хвойный лес под Черкассы начали наведываться экскурсанты из Кировоградской, Запорожской, Луганской и других областей. Глядя на плотников, звонко тесавших бревна, они заносили в блокноты передовой опыт и спрашивали:

— Что вы тут будете лечить?

— Кряжи или, по-научному сказать, радикулит. А также полиартрит, бронхит, миокардит и прочие хворобы. Хотим создать свою Черкасскую «Ривьеру», больше того — комплекс из Сочи-Мацесты, Кисловодска, Железноводска и Одессы-Лермонтово.

Поначалу не было проектировщиков, архитекторов, фондов, оборудования. Не было ничего, кроме горячего желания. Куда бы ни обращался Совет по строительству, всюду встречал он вежливый, но твердый отказ: «А вы разве наши?»

Года через полтора трудности все же были преодолены, колхозные первопроходцы нашли своих архитекторов, свой железобетон, своих врачей-курортологов, а что касается грязей, то и тут свет клином не сошелся: перешли на привозное курортное сырье из одесского Куяльника. Черкасская «Ривьера» — выполненные в украинском стиле корпуса с соляриями — выросла на берегу Днепра.

Не так давно прессу обошли две заметки из Черкасс. В одной сообщалось, что в Христиновском районе долго думали, как отблагодарить ланку в составе пятнадцати женщин, отличившуюся на плантациях сахарной свеклы, и наконец премировали всех путевками в санаторный комплекс. А вторая весточка называлась «Спасибо, доктор!» и была классической заметкой об исцелившемся ревматике, в день выписки сплясавшем гопак перед удивленными зрителями.

Самым верным доказательством того, что предприятие черкассцев удалось, является толстая папка «входящих». Открыв ее, я тотчас же наткнулся на знакомый текст:

«Убедительно прошу выделить нашему лучшему передовику имярек 1 (одну) путевку».

И подписывают эти прошения коллеги черкасских землеробов из Кировоградской, Запорожской, Луганской и других областей.

А почему бы им самим не построить свой «Свитанок»? Хочется обратиться к ним с вопросом:

— У черкассцев есть курорт, а у вас?

А у вас, извините, нет.

А знаете, что меня поразило в «Свитанке» больше всего? Цифра: 0,2 процента от прибылей. Таковы отчисления колхозов в фонд курортного городка.

Всего 0,2 процента — и «Свитанок» возможен. Честное слово, стоит попробовать. Клянусь здоровьем!

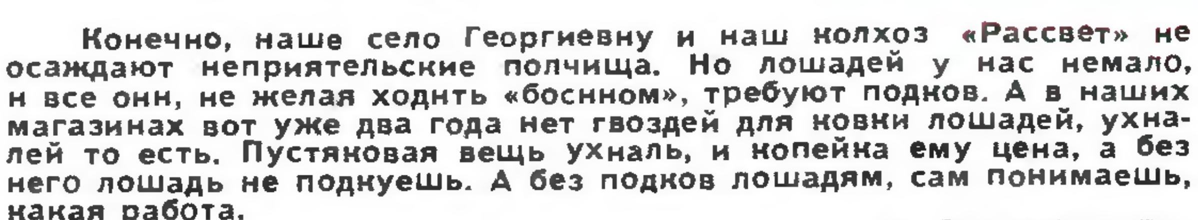
Черкасская область.

ВИЛЫ В БОК!

Дорогой Крокодил!

Ты, наверное, помнишь английский стишок в переводе Маршака, где описывались всякие беды, происшедшие из-за того, что в кузнице не оказалось гвоздя. Вот как он кончается:

Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.

Конечно, наше село Георгиевну и наш колхоз «Рассвет» не осаждают неприятельские полчища. Но лошадей у нас немало, и все они, не желая ходить «босиком», требуют подков. А в наших магазинах вот уже два года нет гвоздей для ковки лошадей, ухналей то есть. Пустяковая вещь ухналь, и копейка ему цена, а без него лошадь не подкуешь. А без подков лошадям, сам понимаешь, какая работа.

О. ДОБЕРШТЕЙН,
колхозный кузнец

Жарминский район,
Семипалатинской области.

Не воздушный и не замок

Здание должно было называться «Цех по приготовлению сухих кормов» и выситься должно было на окраине села Киевское, в Северо-Осетинской АССР.

В середине лета приехали строители из Моздокского ремстройуправления и спросили:

— Тут закладывать?

Деловито так спросили. И сразу же заработали, когда услышали в ответ:

— Тут.

Потом спросили через недельку:

— Ну как?

Спросили, чтоб одобрительный отзыв о проделанной работе услышать.

А услышали:

— Не так.

Как-то так, неизвестно почему, они, оказывается, вместо фундамента сразу стены второго этажа заложили. А чертежи фундамента проигнорировали как-то.

Очень они сами себе удивились и сказали:

— Поди ж ты!

Весело так сказали, потому что и впрямь смешно. И уехали на другой объект.

Но про цех они все-таки не забывают. Хоть и не наведываются, но все равно помнят. Обдумывают, как достраивать. Может, фундамент над вторым этажом разместить? Но тогда у граждан эстетические чувства пострадают...

Однако что-нибудь придумается. Авось.

П. МАШКИН

Хуже не будет

В декабре прошлого года колхоз имени Дзержинского, Курской области, получил от Заларинского механического завода, что в Иркутской области, лесопильную раму. Однако заларинцы забыли прислать инструкцию по монтажу.

В конце концов колхозники все же догадались что к чему. Начали монтировать и выяснили, что создатели пилорамы забыли прислать еще и крепления для пил.

На завод колхозники написали — бесполезно. Смолчал завод. Пришлось крепления на стороне заказывать...

Потом привезли с Горьковского автомобильного завода красавицу автоцистерну. Завели. Поехали. С десяток метров проехали — стоп машина!

Акт был грустным, как панихида: «...попадание масла из магистральной системы в систему охлаждения, течь масла из корпуса заднего моста...» и т. д. и т. п.

Сообщили горьковчанам. Те сразу откликнулись: дескать, мост вышлите нам, а мотор — нашему моторному заводу в г. Заволжье.

Разобрали. Отправили. Прошло четыре месяца. Молчат гордые гиганты авто- и моторостроения.

Махнул рукой председатель колхоза, вызвал шофера.

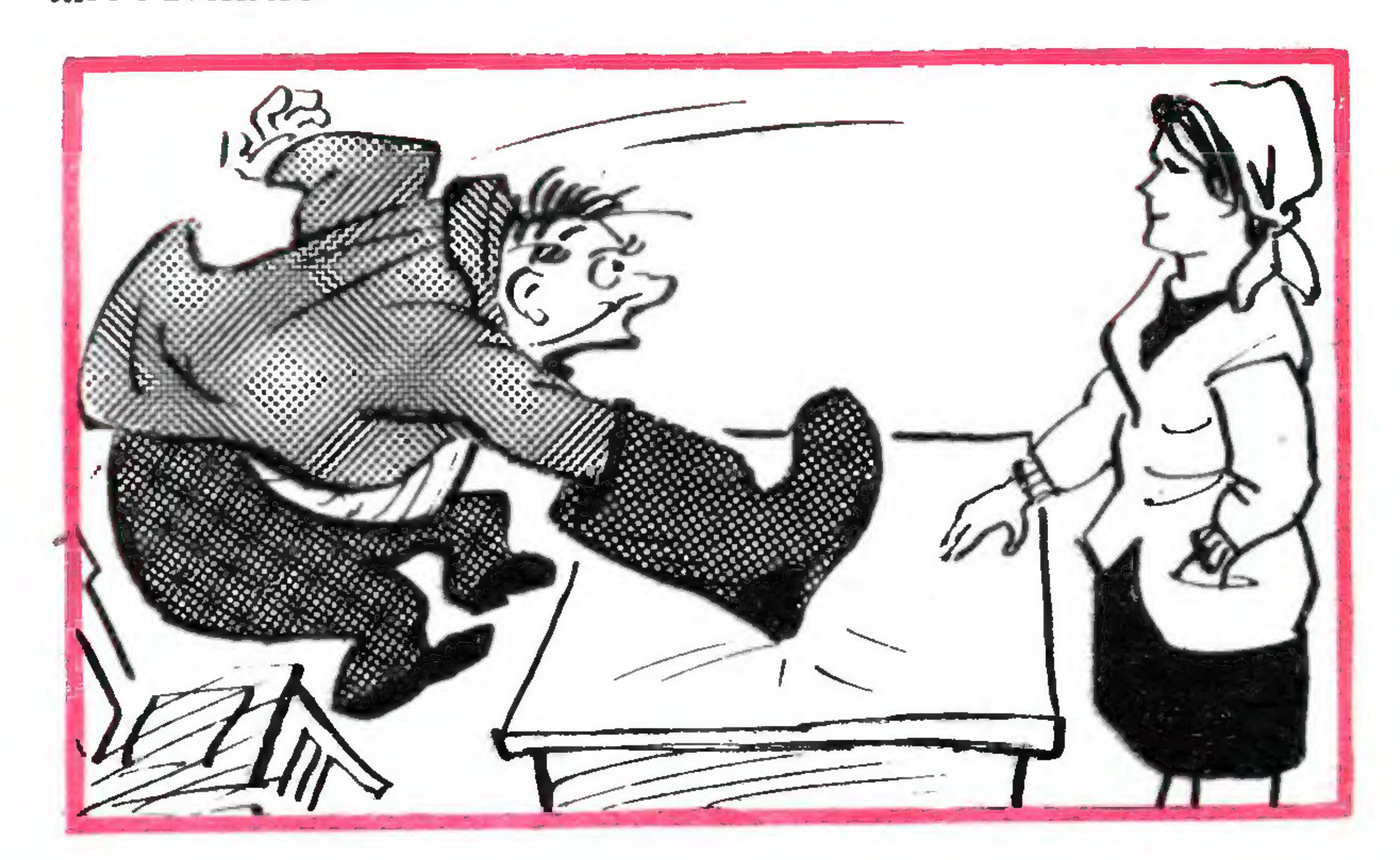
— Есть тебе, Иван, задание. Собери всякие моторные обломки и свинти двигатель, а то цистерна стоит, а мы горючку на попутных возим. Действуй!

— Так я ж не конструктор.

— Э-э, неважно! Все одно супротив того, что нам поставщики шлют, хуже не сделаешь!

Ю. АРУТЮНОВ

...ГРУБИЯНА:

обязать не снимать валенки во время работы.

См. стр. 12.

Андрей ВНУКОВ,
Андрей КРЫЛОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

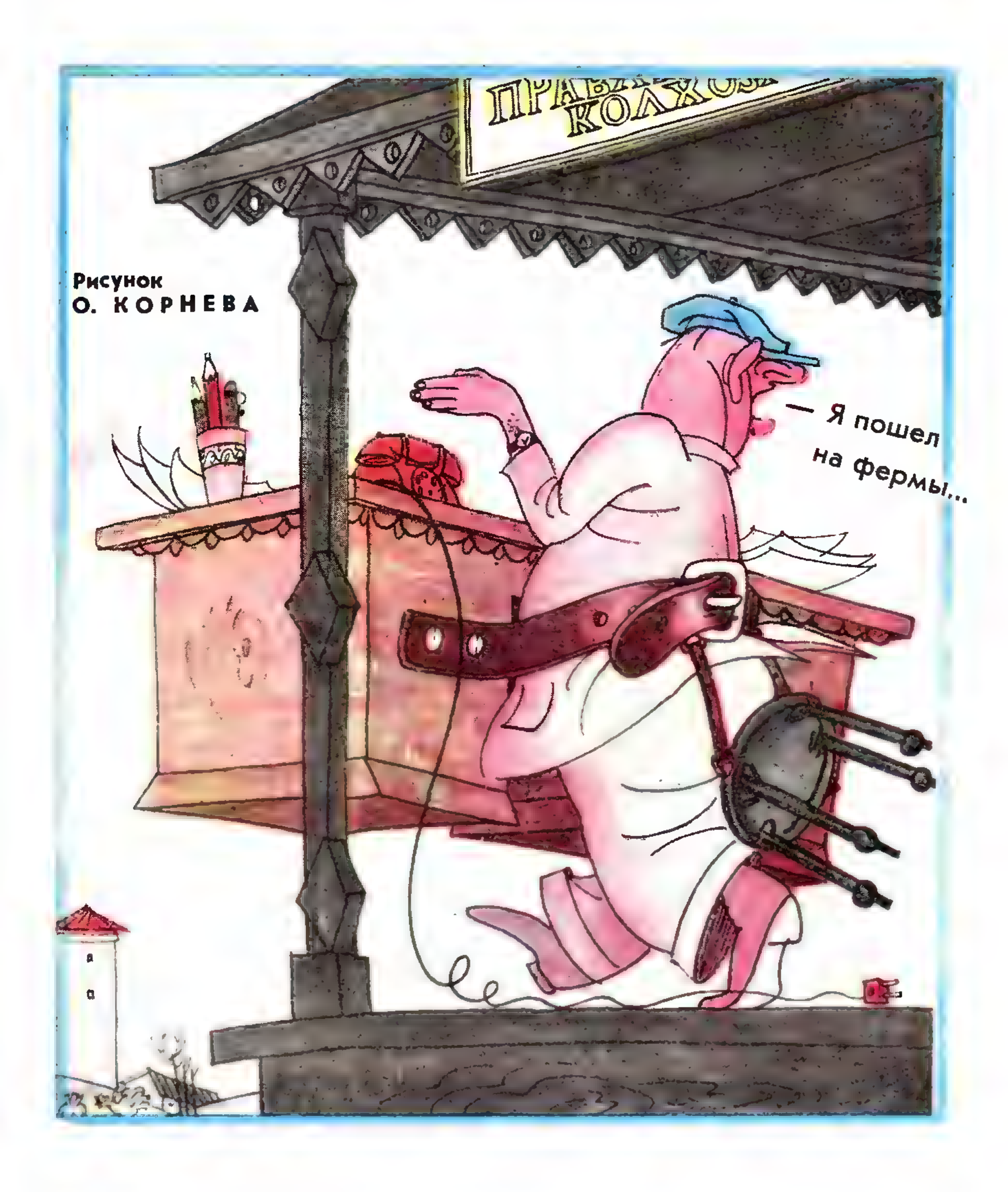

Рисунок О. КОРНЕВА

— Сколько? — спросил таксист, когда мы садились в машину.

— Два,— ответили мы.

— Что вы! — возмутился он.— Сейчас меньше трех никто не возьмет. В прошлом году в это время брали четыре...

— В прошлом году не было такого снега, града, паводка...

— Аллах с вами, и то верно,— согласился водитель и нажал на сцепление.— Год назад у нас было уже восемьдесят, а теперь только пятьдесят... Ну, ничего, нагоним... Поехали!

Вы что-нибудь поняли? И мы тоже первое время не понимали. А дело в том, что цифры, на которых изъясняются осенью жители Узбекистана, означают процент выполнения годового плана по хлопку: маленькие цифры — за день, большие — с начала уборки.

Когда на одном переезде мы спросили у первых встречных, как сыграли наши с Северной Ирландией, те, видимо, думая о своем, расстроенно показали нам два пальца на правой руке и четыре — на левой. Мы решили, что наши проиграли. А на самом деле нам передали очередную сводк сбора хлопка: 2,4%...

О хлопке говорят всюду. Недаром один восточный мудрец областного значения изрек: «Хлопок — это хлопковая болезнь!» Болеют за него все. Причем болельщики — они же участники. И если «Пахтакор» на футбольном поле лишился многих своих поклонников, то вера в Пахтакора-Хлопкороба неколебима.

Все на хлопок!
Все на хлопке...
Райпотреб... педвуз... обком...
Тещи... матери... золовки...
Город весь в командировке,
Кто в машинах, кто пешком...
Учрежденческие кадры
На полях буквально все:
От актеров драмтеатра
До студентов медресе...
Все в радениях полдневных
Служат хлопку в добрый час,
Нет ни шефов,
ни подшефных —
Есть один крестьянский класс.
По дорогам, тропам, тропкам —
Всюду слышно жарким днем:
«Хлопок... хлопка... хлопку...
хлопком...»
Лишь о хлопке об одном!
На комбайнах и вручную
С малых граммов —
к сотням тонн
Собирают и бунтуют...
Наш рассказ пойдет о том...

Вы видели, как возникает бунт? Буквально на пустом месте! Соберутся вместе восемь—десять человек, наготове стоит техника... Достаточно сигнала — и бунт начинает разрастаться на ваших глазах... Люди не расходятся до глубокой ночи. Напряжение спадает только через четыре-пять дней, когда бунт достигает своего апогея...

Конечно, не каждый может внести свой вклад в общий бунт. Здесь нужны опытные бунтари, простите, бунтовщики... Вернее, бунтоправы. Это не просто люди, это в точном смысле слова могущественные воротилы. Чтобы сложить один хлопковый бунт, этакий трехэтажный стог хлопка, надо переворотить и утрамбовать 400—500 тонн белого золота...

Да, непросто сбунтовать собранный хлопок. Ну, а собрать...

— Когда мне в шестьдесят лет предложили возглавить новый, пятый на моем веку колхоз, я посмотрел на это хозяйство, и мне стало нехорошо. Но вскоре я пришел в себя, и мне сказали: «Надо, Нармамат, надо! Это почетно... Историю писать будешь!» И начал я работать в колхозе, в котором не было ни дорог, ни воды, ни орошения,— вспоминает председатель колхоза «Октябрь», Булунгурского района, Самаркандской области, депутат Верховного Совета республики Нармамат Исантурдыев.

Теперь это — одно из богатейших хозяйств. Только в этом году 66 семей переселились в собственные дома со всеми городскими удобствами. При полевых станах детские сады-ясли, бесплатное питание ребятишек. Детишки бодрые, веселые и в большом количестве водятся в каждой семье. 390 мам получают пособие по многодетности. А из них четыре мамы и вовсе Героини!

И это на том месте, где несколько десятков лет назад была степь Карамуюн, которая и по-русски звучала не лучше, чем по-узбекски: «Черная шея». Степь, в которой не только хлопок, но и дети не росли...

Только за последние пять лет доход колхоза вырос в три раза, месячный заработок поднялся от 38 до 112 рублей. А все это дал в основном хлопок, которого стали собирать не по 13, а по 31 центнеру с гектара.

Кстати, вы знаете, сколько раз надо нагнуться, чтобы взять из хлопковых коробочек только один килограмм хлопка?

Вероятно, эту фразу
Слышал кто-нибудь из вас:

«Тов. Борцов выехал иа место и рассказал нолхознинам об экономической выгоде откорма этим же методом животновода нашего колхоза Душина. Колхозники одобркли это предложение».

(Из докладной бригадира.)

«Предъявлениая мне свиная голова действительно моя. Непохоже только правое ухо, которое отрезано и отсутствует».

(Из акта.)

«В этом году, например, взяли в феврале 20 тысяч цыплят. К августу молодии начинают уже яйцекладку. И все же главиое место в пронзводстве яиц отводится людям».

Газета «Знамя труда»
пос. Станично-Луганское.
Луганской областк.

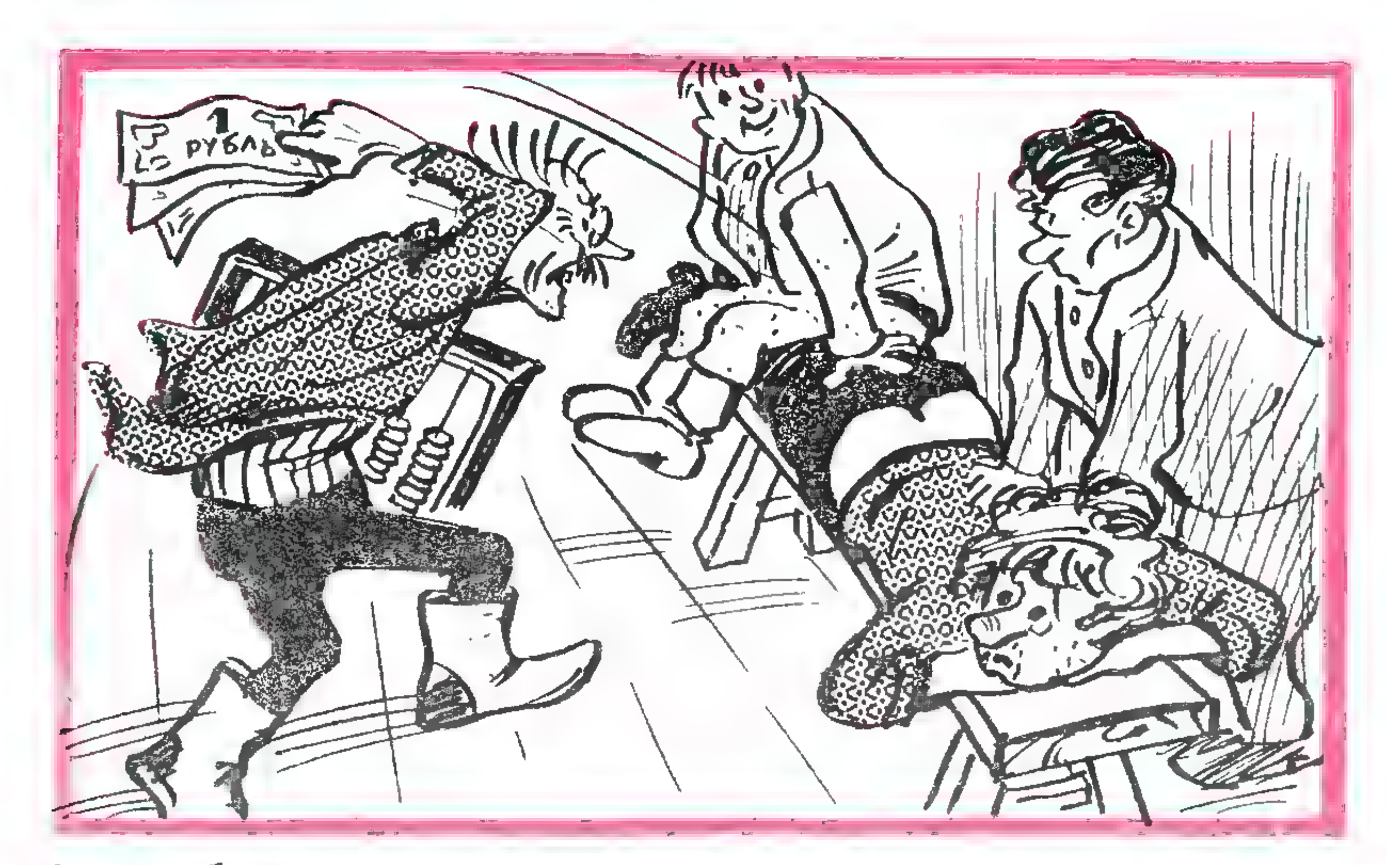

ВЫМПЕЛ
ГАЗЕТЫ
«ЗНАМЯ ИЛЬИЧА»
ПРИСУЖДАЕТСЯ:

Лучшему льнотеребильщику

А. И. ИЛЬИНУ, МЕХАНИЗАТОРУ КОЛХОЗА ИМЕНИ ЧУДОВА, УБРАВШЕМУ ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ 8 ГЕКТАРОВ КАРТОФЕЛЯ ПРИ УРОЖАЙНОСТИ 140 — 150 ЦЕНТНЕРОВ С ГЕКТАРА.

Газета «Знамя Ильича»
Сонковский район,
Калининской области.

...ЛОДЫРЯ:

бить рублем.

Полным-полна коробочка!

«Лучше двести раз по разу,
Чем ни разу двести раз!»!
Может, фраза тут некстати,
Но хотим напомнить вам:
Для того, чтоб в результате
Хлопка выбрать килограмм,
Нужно двести раз нагнуться
И при этом же тотчас
Непременно разогнуться
Нужно тоже двести раз!
Если в среднем собираешь
Килограммов пятьдесят,
Значит, в день себя сгибаешь
Десять тысяч раз подряд!
Книзу-кверху, кверху-книзу
С перерывом на обед...
Говорят, от ревматизма
Лучше средства в мире нет!..
Это в шутку, а на деле
Те, кто смог на хлопке быть,
Все возможности имели
Эту шутку оценить!

С какой только целью не едут люди на хлопок: и себя показать и других посмотреть... Не выезжая из колхоза имени Жданова, можно было познакомиться с детьми разных народов. Здесь побывали и чехословацкие ветераны войны, и цейлонские мусульмане, и культпросветчики из Туниса...

А отсюда на съезд колхозников в Москву посылают Шады Самарова.

Ему не нужно тысячи раз нагибаться за хлопком, он предпочитает сидеть в своей персональной кабине за личным рулем трактора. Так он, сидя, и пашет, и сеет, и культивирует, а когда уж совсем ничего не остается делать на тракторе, он пересаживается на комбайн и берет обязательство сдать сто тонн хлопка — вдвое выше среднего по колхозу.

В прошлом году на каждый заработанный рубль он получил 83 копейки премиальных. Единственное, в чем отстал Шады от земляков,— в том, что у него пока только трое детей при средней «норме» семеро потомков на семью. Стало быть, у Шады еще все впереди...

Едут люди... Едут по колхозным дорогам. И чем лучше дороги, тем лучше едешь и дальше будешь. Вот сдадут хлопок, и поедет в Ташкент защищать диссертацию «Фольклорные традиции в творчестве современных поэтов» аспирант Академии наук председатель колхоза «Коммунизм», Вабкентского района, Бухарской области, Хайрулло Камалов.

Поедет по дороге в Москву делегатка съезда колхозников механик-водитель этого колхоза Рано Гайбуллаева.

Когда мы встретили Рано, она не ждала милостей от природы: шла впереди области по сбору хлопка. А в каждой из 120 тонн хлопка, собранной Рано, содержится три километра ткани, 120 килограммов масла, 200 килограммов жмыха и т. д. и т. п. Помножьте это на 120 и пожелайте Рано «Ок йул!» То есть белой дороги! То есть счастливого пути!

И тут некстати вспоминается, как колхозу имени Фрунзе, Хивинского района, обещали построить дорогу. И не кто-нибудь обещал, а министр шоссейных дорог Узбекистана товарищ Каюмов. В апреле вот на этом самом месте он торжественно обещал приехать сюда в сентябре, чтобы лично пройти по асфальту новой дороги. Не приехал. И хорошо сделал. Потому что не по чему ходить. Нет дороги, за которую колхоз ежегодно расплачивается частью своего хлопка. А, между прочим, механика тут такая: чем больше соберут хлопка, тем труднее его перевозить по бездорожью, но зато тем больше отчисляет колхоз своих кровных за строительство нестроящейся дороги!

Видимо, забыл товарищ министр надпись на старинной восточной тарелке: «Если хочешь здоровья — не ешь лишнего, если хочешь авторитета — не говори лишнего!»

— Ну, а почему же все-таки не построили дорогу? — поинтересовались мы у хлопкоробов. И нам ответили в таком духе:

В общем, тут причин, конечно,
много...
Говорят, что кто-то намекнул:
— Для того неровная дорога,
Чтоб водитель часом
не вздремнул!

* * *

— Тебе сварить плов
или пельмени? —
спросил хозяин у гостя.
— А у тебя что — один котел? —
спросил гость у хозяина.
(Просто анекдот.)

В колхозе «Маданият» («Культура»), Бухарского района, не один «котел»: там выращивают не только хлопок, но и держат великолепную животноводческую ферму. Знакомьтесь: делегат съезда колхозников, секретарь комсомольской организации, член правления колхоза, депутат областного Совета и прочая, и прочая, и прочая... двадцатилетняя доярка Мунаввар Мухсинова.

Средний заработок — 300 рублей. На соседней же ферме — только 150—200... Сведения точные: там работает учетчиком муж.

Пытаемся деликатно обойти вопрос о падеже — зима ведь была страшенная. Оказывается, нечего деликатничать: ни одна из подопечных буренок не пала. То ли потому, что хозяйка — член областной комиссии по животноводству, то ли оттого, что при ферме загодя создали кормодобывающую бригаду. А на сытый желудок, понятно, замерзать неохота. Да еще и хочется посмотреть, как будет выглядеть новая механизированная ферма, которую колхоз построит в ближайшее время.

Попутно спрашиваем у колхозниц, все ли товары, которыми может одарить хлопковая коробочка, имеются в сельских магах...

— Эх, полным-полна
коробушка —
Современный магазин,
Выбирай нейлон, зазнобушка...
— Мне бы просто крепдешин!
— Крепдешина нет, любезная...
— Хан-атлас подай, милок!
— Нет атласа, расчудесная...
— Дай сапожки!
— Нет сапог!
Не грусти, моя красавица,
Есть перлон и поролон...
— Мне шелка поярче нравятся...
— Нету ярких... Не сезон...
Говорят, нельзя приятелей
Подыскать на вкус и цвет,—
Здесь нашли для покупателей
Одинаковый ответ:
— От пиал и до штиблет
Ходовых товаров нет!

Едут люди по колхозным дорогам, по очень гладким и по не очень. Везут хлопок, хлеб, мясо, шерсть... И поедут этими дорогами посланцы колхозов на московский съезд — повезут свои предложения. И на какой срок избирать председателей артели. И как быть с закреплением выходных дней и отпусков. И что делать с лошадьми в личном хозяйстве, особенно в горных районах, где без лошади семье дехканина иной раз не обойтись. И особенно — как бороться против лентяя с приусадебным участком...

Впрочем, опыт борьбы с лентяем накоплен уже немалый.

Есть, например, полевые станы, где ведутся «карты работающих лодырей». Это график, в котором фиксируется деятельность тех, кто поленился выполнить дневную норму. Человек, с прохладцей проведший световой день, должен отработать в вечерние часы. Говорят, что попавшему в «карту работающих лодырей» становится стыдно, и он краснеет. Но этого еще никто не видел, поскольку лентяи выходят на работу с наступлением темноты.

Как вы понимаете, вторично в «карту» предпочитают не попадать. Так вырабатывается уважение к труду, к земле, к хлопку...

Ты на свет появился
в чем мать родила,
Только трудно
прожить в мире голому,
И природа тебе в утешенье дала
Брюки — на ноги,
шапку — на голову...
А поскольку и руки, и ноги,
и грудь
Прикрываются
тканью хлопковою,
Ты Товарищу Хлопку
отдать не забудь
Уважения чувство здоровое!

На всех дорогах Узбекистана в эту пору висят фанерные коробки с надписью: «Подбери упавший хлопок!» Что мы и сделали, подобрав с дороги несколько граммов хлопка и внеся его в общую копилку. Таким образом, узбекским пахтакорам вместе с нами удалось собрать ровно столько хлопка, сколько они ей сдали на сегодняшний день.

Ташкент — Бухара — Самарканд — Ургенч — Москва.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Шофер вернулся из райцентра в дымину пьяный. Отругав его, бригадир спрашивает:
— Машину-то хоть поставил в гараж?
— Ч-частично.

●

Молодой агроном, только что прибывший в колхоз, говорит местным старожилам:
— Я человек сугубо городской. Не представляю, как я буду жить в деревне...
— Ничего, через месяц привыкнете.
— Правда? Ну, тогда я этот месяц поживу еще в городе!

●

В книжном магазине продавец предлагает председателю колхоза:
— Возьмите вот еще «НОТ в колхозном производстве». Одна такая книжка избавит вас от половины вашей работы.
— В самом деле? Тогда заверните мне две.

●

В сельской школе.
— Ребята, кто скажет, когда лучше всего собирать малину?
— Когда сторож спит.

●

По району пронесся слух, что из области едет очень строгий ревизор. Все приготовились его встретить. Приезжает он в первый колхоз.
— Чем кормите кур?
— Отборной пшеничкой.
— Что?! Колхозный хлеб разбазариваете?!
Приезжает во второй.
— Чем кормите кур?
— Да чем попало. Все больше песочком.
— Что?! Колхозную птицу гробите?!
В третьем не растерялись:
— А мы выдаем каждой курице наличными, согласно ведомости.

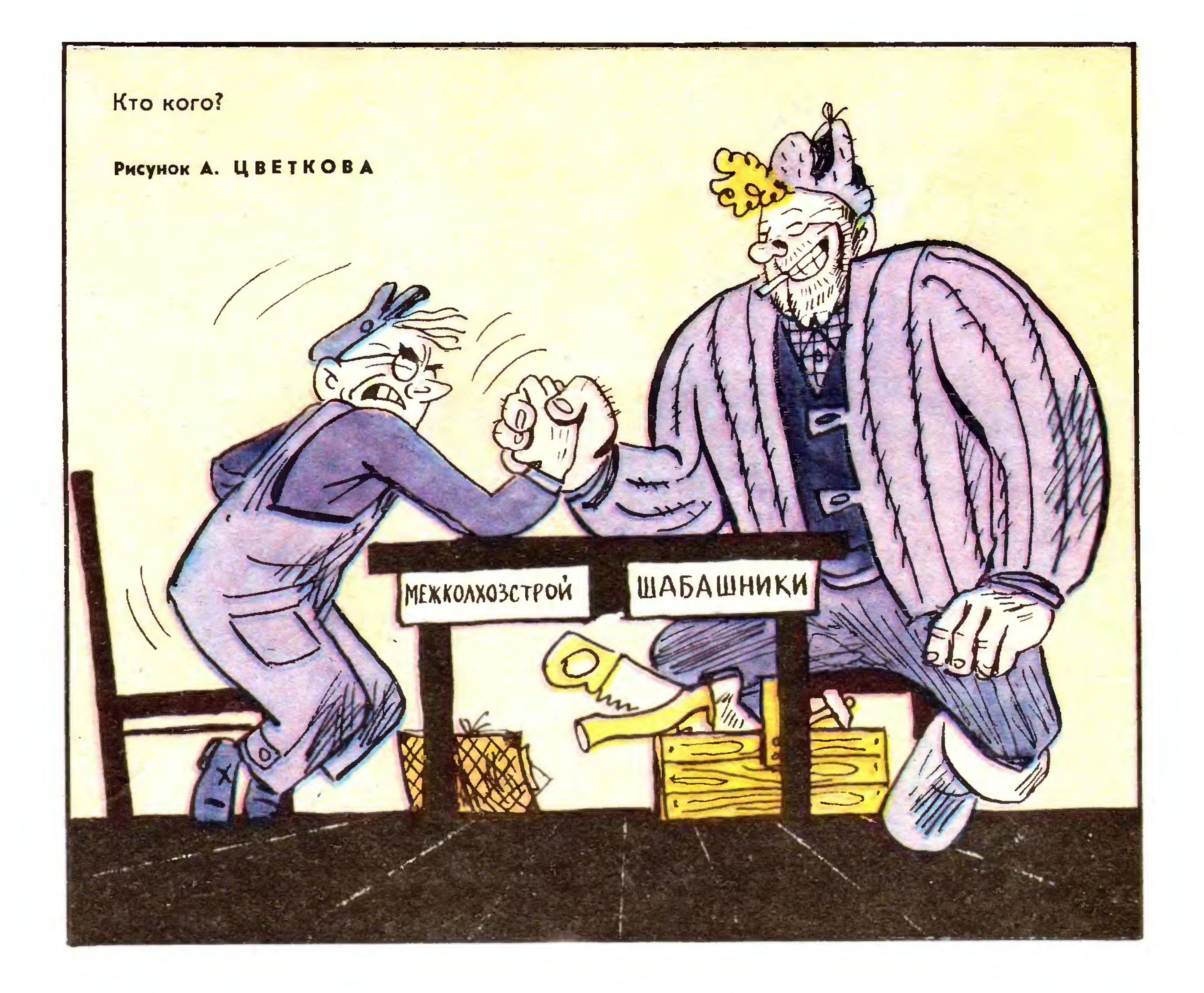
●

Разговор в колхозном правлении.
— Опять почта все напутала! Зоотехник наш вот пишет, как он перенимает опыт в соседней области, а штемпель на письме поставили — «Сочи».

●

Две старушки судачат на завалинке.
— Наш-то председатель из района вернулся. Говорят, ему там какого-то строгача дали...
— И зазря дали. Все равно пропьет.

●

Кто кого?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

Стоило трактористу запить, как в моторе заело.

* * *

Вывели новый сорт: яблоню раздора.

Обращайтесь с картошкой почтительно хотя бы из уважения к ее мундиру.

* * *

Посевная началась: где-то уже посеяли сеялку.

Сжигая за собой мосты...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ

ДАРЕНЫЙ КОНЬ

Заболел у меня как-то зуб, и пришлось мне с утра пораньше топать в местную поликлинику. Сразу же без волокиты меня записали, шестой номерок выдали, сижу в очереди, жду. И вот, когда уже вошла в кабинет женщина с номером пятым, подходит ко мне солидного вида гражданин с подвязанной челюстью и говорит:

— Вы меня не пропустите вперед себя? А то у меня все зубы ноют.

— Ну какие тут еще могут быть сомнения! — отвечаю.— При счете тридцать два — один в вашу пользу.

Гражданин поблагодарил, сел на соседний стул и стал нетерпеливо поглядывать на дверь зубоврачебного кабинета. Я счел своим долгом отвлечь его от боли. Спрашиваю:

— Что это с вами такое случилось?

И в ответ, с трудом ворочая челюстью, он рассказал мне такую историю:

— Я работаю на одной местной фабрике директором, и наша фабрика шефствует над десятилетней сельской школой. И все эти годы директор школы мне напоминает, что я обещал приобрести для них спортивный инвентарь. А, откровенно говоря, зачем детям спортивный инвентарь? Они все переломают, по кусочкам растащат, я ведь знаю, сам когда-то был мальчишкой.

А тут как раз покупаем мы инвентарь для своего спортивного зала, и возникает у меня мысль отдать старые гимнастические снаряды школе в порядке шефства. Списали, погрузили на машину, повезли. Через некоторое время звонит мне директор школы и говорит:

— Будьте добры, приезжайте поскорее к нам.

У меня дел по самое горло, но, думаю, ладно, поеду. Они там, наверное, весь коллектив собрали, чтобы выразить мне благодарность.

Приезжаю. Встречает меня директор, проводит в спортивный зал и спрашивает:

— Что это вы нам тут такое понавезли?

— Спортинвентарь,— говорю.— Директор школы, а не знаете.

— Не знаю я,— отвечает,— такого инвентаря и знать его не хочу. Вот эти две палки что из себя представляют? Сломанные брусья?

— Нет,— объясняю,— остатки шведской стенки.

— Спасибо,— говорит,— что объяснили, я бы никогда не догадался. А вот эта погнутая, шершавая железяка, разумеется, турник? Эта трухлявая орясина, если не ошибаюсь, не что иное, как гимнастическое бревно? А вот этому дряхлому созданию с ручками сколько, подскажите, лет?

Тут меня, сами понимаете, зло взяло. Им передаешь безвозмездно инвентарь, а они еще разбираются!

— Это создание,— говорю я,— между прочим, называется конем. И, кстати сказать, есть неплохая пословица: дареному коню в зубы не смотрят.

— Я вполне допускаю,— отвечает директор,— что это конь, но упражнения на таком коне не сделаешь: он моментально развалится.

— Нет,— возражаю,— он не развалится. Если бы я был гимнастом, я бы вам это доказал. Впрочем, я могу сесть на него верхом и показать всю вздорность ваших заявлений...

В этот момент из зубоврачебного кабинета вышла женщина, имевшая пятый номер, и мой собеседник торопливо вскочил со стула.

— Так вы залезли на коня? — бросил я ему вслед.

— Как видите,— ответил он и притворил за собой дверь.

Через некоторое время из кабинета стали раздаваться вопли, а я сидел, ожидал своей очереди и думал, что дареному коню нужно смотреть не только в зубы. Это известно всем, кто знаком с историей Троянской войны.

г. Ярославль.

Рисунки А. СЕМЕНОВА

ПРО БУРЕНОК

РЕСТОРАН

— Как откуда самогон? Так я же кормлю ее сахаром с дрожжами.

Был, говорят, у нас водоем, да корова языком слизала.

С. МАРКОВ

Взявшись заведовать пасекой, просил разъяснить только одно: какой мед лучше — липовый или пчелиный.

* * *

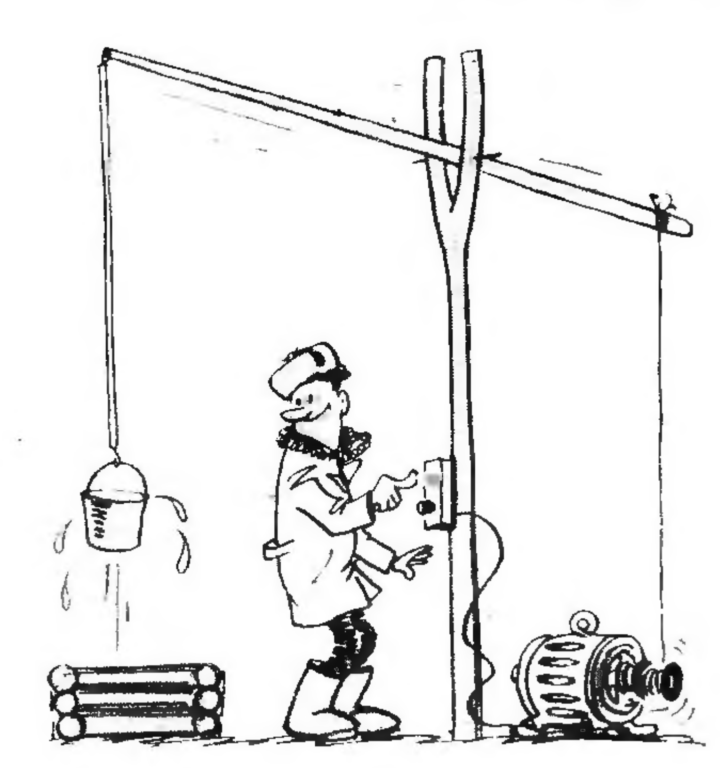
Когда шабашнику разрешили загребать деньги лопатой, он потребовал бульдозер.

* * *

Молодой ветеринар добился назначения в медвежий угол: работает в городском зоопарке.

Ц. МЕЛАМЕД

Рисунки Д. АГАЕВА

Рационализатор.

По щучьему велению.

КРОКОДИЛ

№ 32 (1934)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, М. Вайсборд, Е. Гаврилин, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, С. Кузьмин, Л. Немировский, А. Семенов, И. Сычев, А. Чинарьков, А. Шиков, В. Шкарбан.

НАШ АДРЕС:
МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

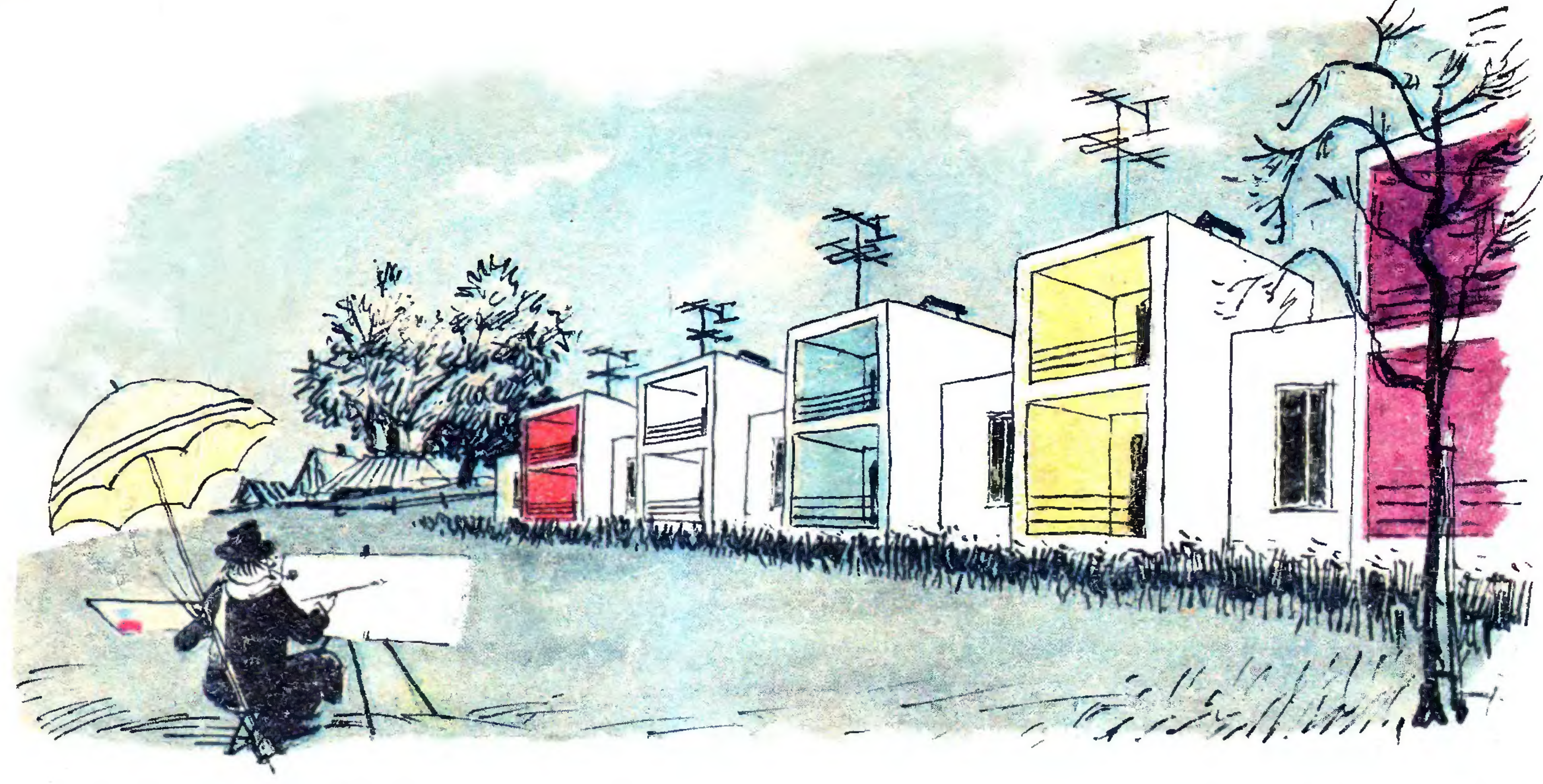
Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00223.
Подписано к печати 11/XI 1969 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз.
(1 завод: 1—4 453 300).
Изд. № 1878.
Заказ № 3042.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

КРАСОЧНАЯ ОСЕНЬ В КОЛХОЗЕ «ЛЕНИНСКИЙ ЛУЧ»

Юрий ЧЕРЕПАНОВ

НЕДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

СПЕЦИАЛИСТ ПО ОТОПЛЕНИЮ СЕЙЧАС ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ НА ДЕРЕВНЕ...

Я навестил подмосковный колхоз «Ленинский луч» и «взял на карандаш» то, что мне особенно понравилось.

А понравилось мне строительство экспериментального жилого квартала. Строительство ведется с размахом, с выдумкой, с перспективой.

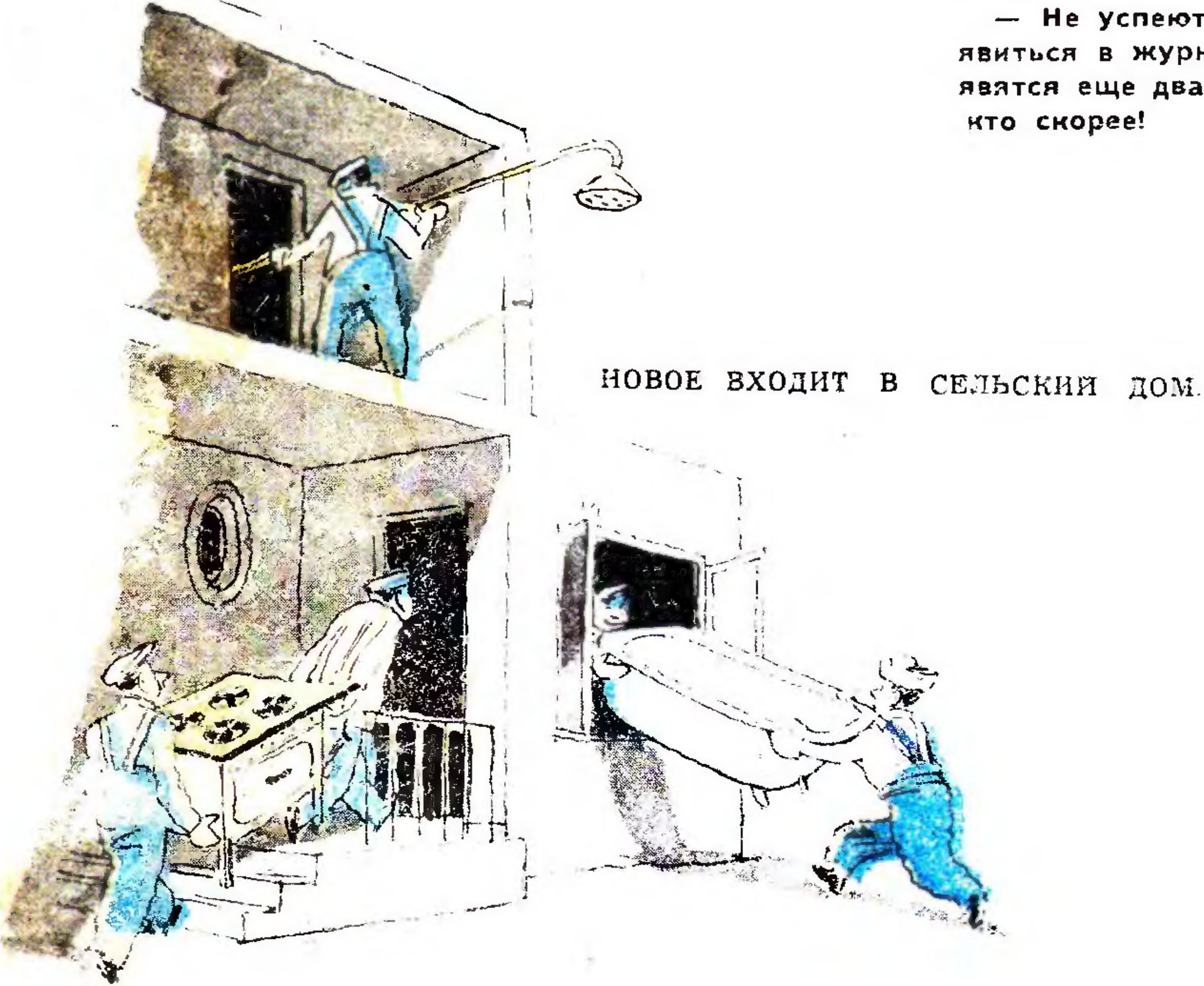
Дома там строятся не под одну гребенку, а разные. И одно- и двухэтажные. С верандами, лоджиями и прочими нелишними излишествами. С городскими удобствами в виде ванных, кухонь с газом и гаражей. И есть даже то, чего лишены горожане. А именно — сараи для грабель, топоров и прочего инструментария.

Дело идет споро. Строители треста № 23 на монтаж одного дома тратят не более пяти дней. Инженер-строитель Владимир Смоленцев, давая мне интервью, заявил:

— Не успеют ваши рисунки появиться в журнале, как у нас появятся еще два новых дома. А ну, кто скорее!

— ОТКУДА ЗДЕСЬ ВЗЯЛСЯ ПЕТУШОК? ПРОЕКТОМ ОН НЕ ПРЕДУСМОТРЕН.

НОВОЕ ВХОДИТ В СЕЛЬСКИЙ ДОМ.

ДОЛГИЙ РАЗГОВОР...